Исповедь социопата

Жить, не глядя в глаза

М. Томас

М. Томас
Исповедь социопата. Жить, не глядя в глаза

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12944384
Исповедь социопата. Жить, не глядя в глаза: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус; М.; 2015
ISBN 978-5-389-10839-4

Аннотация

Автор этой книги – успешная, нашедшая свое место в обществе женщина-социопат, не совершившая ни одного уголовного преступления. Она харизматична и амбициозна. Может очаровать и даже обольстить. При этом вы остаетесь для нее объектом, который любопытно изучить, найти уязвимые места и использовать для манипуляций и достижения собственных целей. Не испытывая сострадания, чувства вины и угрызений совести.

Вероятность встретиться с таким человеком велика, социопатом может оказаться любой из ваших знакомых. Что нужно знать об этих людях?..

М. Томас написала предельно честную книгу о себе и своей жизни. Она рассказывает о последних научных

исследованиях на тему формирования социопатической личности и утверждает, что людям ее склада есть что предложить обществу. «Исповедь социопата» поражает и настораживает. Это шанс заглянуть в сознание хищника, приоткрытое для нас им самим.

Содержание

От автора 6
Психологический портрет 7
Глава 1 10
Глава 2 47
Глава 3 101
Конец ознакомительного фрагмента. 122

М. Томас
Исповедь социопата. Жить, не глядя в глаза

© M. E. Thomas, 2013
© Анваер А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
АЗБУКА БИЗНЕС®

* * *

Посвящается Энн, моему Вергилию

От автора

Эту книгу можно назвать мемуарами. Перед вами правдивая история, скрупулезно собранные воспоминания. Хотя аберрации памяти неизбежны, книга имеет то достоинство, что описанные события изложены сквозь призму моего мировосприятия, а мне свойственны мания величия, эгоцентризм и непонимание того, что у других людей тоже имеется внутренний мир.

Я опубликовала книгу под псевдонимом. Изменены имена, профессии и личностные характеристики моих родственников, друзей и других людей: зачем вторгаться в их частную жизнь? В некоторых случаях то же касается и реальных ситуаций. Я переставляла местами или сжимала события, если того требовал стиль изложения. Но во всем остальном это достоверный и честный рассказ. Искажения значимых фактов здесь вы не найдете.

Психологический портрет

Тридцатилетняя мисс Томас пытается определить особенности своей личности, в частности наличие или отсутствие психопатологической симптоматики. Анализируя нормальные и патологические характеристики, указанные автором, специалисты понимают: их соотношение выходит далеко за пределы, характерные для подавляющего большинства людей. На основании этих данных можно считать мисс Томас классическим психопатом. Кроме того, результаты оценки, согласно контрольным тестам по психопатии (PCL, Psychopathy Checklist[1]), в целом совпадают с самооценкой мисс Томас, особенно в описании аффектов и особенностей межличностного общения, среди которых выраженное отсутствие способности к сопереживанию, жестокое и расчетливое отношение к социальным и личным связям. Необходимо отметить также невозможность испытывать отрицательные эмоции.

В клинической картине психопатии мисс Томас осо-

---

[1] The Psychopathy Checklist or Hare Psychopathy Checklist-Revised, the Psychopathy Checklist (PCL-R) – психологический инструмент оценки, наиболее часто используемый в США для установления наличия психопатии. – *Здесь и далее, если не указано иное, – Прим. ред.*

бо выражены такие клинические симптомы, как антиобщественные и психопатические черты (эгоцентризм, жажда сильных ощущений), стремление к доминированию, вербальная агрессия и завышенная самооценка, а также очень низкие показатели негативных аффективных переживаний (страхов, психологических травм, депрессии). У больной практически отсутствует заботливость в межличностных отношениях. Ее отношение к стрессогенным ситуациям также отражает личностные характеристики и стиль межличностных отношений, типичные, по современным воззрениям, для психопатии.

Мисс Томас знает, что «отличается» от большинства своих знакомых по структуре личности, но не считает себя «психически больной». Как раз наоборот: она довольна своим образом жизни и ее течением, и ее совершенно не касаются заботы и неприятности, вызывающие у других неуверенность или потрясение. Такое поведение тоже в высшей степени характерно для психопатической личности.

Судя по всему, мисс Томас пока не сталкивалась с негативными последствиями своей психопатии и, по обычным житейским меркам, неплохо преуспела в жизни (во всяком случае, в том, что касается учебы и профессии). Таким образом, мисс Томас можно считать «социализированным» или «успешным» психо-

патом, не лишенным способности к социальной адаптации.

Джон Ф. Иденс, доктор наук, профессор кафедры психологии Техасского A&M университета

Глава 1
Я социопат, как и вы

Если бы моя жизнь была телевизионным шоу, начать его следовало бы так. Теплый летний день где-то на юге Штатов. На поверхности бассейна сверкающая в лучах солнца рябь. С тихим шорохом открывается раздвижная дверь дома. На крыльцо выходит молодая женщина во вьетнамках и черном спортивном купальнике. Темные волосы распущены по мускулистым плечам профессиональной пловчихи. Кожа покрыта темно-золотистым загаром – героиня шоу летом подрабатывает спасателем на местном муниципальном пляже. Женщину нельзя назвать ни красивой, ни безобразной; в ней нет ничего выдающегося, бросающегося в глаза. Выглядит она как обычная спортсменка; в ее движениях сквозит мальчишеская неуклюжесть. Похоже, женщина совершенно равнодушна к своему телу, ее не волнует, красиво оно или безобразно. Быть полуголой она давно привыкла, как большинство спортсменов.

Сегодня она ждет ученика на урок плавания. Она небрежно бросает на пляжный стул полотенце, стряхивает с ног вьетнамки, словно они никогда больше

ей не понадобятся, и только после этого замечает, что в бассейне что-то движется.

Это что-то очень маленькое, и женщина понимает, что́ это, только подойдя к краю бассейна. В воде отчаянно барахтается детеныш опоссума едва ли неделю от роду. Крошечные розовые лапки бьют по воде. Зверек изо всех сил старается держать над поверхностью микроскопический розовый носик. Должно быть, бедняжка упал в бассейн ночью. Опоссум еще слишком мал и не может выпрыгнуть на край бассейна. Тельце детеныша дрожит от усталости. Глазки подернуты пеленой неимоверного утомления. Еще немного, и зверек сдастся и пойдет ко дну.

Быстрым движением женщина снова надевает вьетнамки и на мгновение задумывается. Потом решительно берет сачок и направляется к бассейну. Камера крупным планом показывает, как сачок опускается вниз и накрывает маленького опоссума, придавив ему задние лапки. Быстрым, почти неуловимым движением женщина тянет зверька под воду. Над водой остается только его голова. Животное неистово бьется, издавая жалобные, плачущие звуки. Новая опасность придает ему сил, оно вырывается из-под сачка, выныривает на поверхность, успевает глотнуть живительного воздуха, но сачок снова неумолимо тянет его ко дну. Однако круг сачка погружен в воду не полно-

стью, и зверек вырывается из западни.

Женщина вздыхает и поднимает сачок. На долю секунды детеныш опоссума чувствует облегчение, но затем снова принимается отчаянно молотить по воде крошечными лапками. Женщина бросает сачок на землю, берет со стула полотенце и идет в дом. Берет телефонную трубку, звонит ученику и отменяет занятие, сославшись на неполадки с бассейном. Достав из ящика стола ключи, выходит из дома и бежит к мощной машине, которую водит с 16 лет. Восьмицилиндровый двигатель, чихнув, с ревом оживает. Женщина включает заднюю передачу и, не очень заботясь о стоящих рядом автомобилях, уезжает – ей неожиданно выпал выходной день, надо провести его с толком.

В сумерках женщина возвращается, подходит к бассейну и видит на дне маленькую темную тень. Взяв в руки тот же сачок, она ловко поддевает мертвое тельце и перебрасывает его через забор, на участок соседа. Бросив в бассейн таблетку антисептика, уходит в дом. Камера показывает невозмутимую гладь воды в бассейне. Ряби больше нет. Затемнение.

Я – социопат. В результате хитросплетения особенностей генетики и воспитания я страдаю «диссоциальным расстройством личности» (в просторечии «социопатией»), которое в Руководстве по диагности-

ке и статистике психиатрических расстройств описывается как «устойчивое поведение, характеризующееся пренебрежением к правам других людей и нарушением этих прав». Ключевые симптомы, позволяющие установить диагноз, – неспособность к раскаянию и соблюдению социальных норм в совокупности со склонностью к обману. Я сама предпочитаю определять социопатию как сумму черт, сформировавших мою личность, но не определяющую меня целиком. Я свободна от запутанных и иррациональных эмоций, умею строить стратегические планы, умна, уверена в себе и очаровательна. При этом я стараюсь заметить, когда другие люди испытывают эмоции или сконфужены, и отреагировать так, как принято в обществе.

Термины *психопатия* и *социопатия* имеют одинаковое клиническое происхождение и часто употребляются как синонимы, хотя некоторые специалисты различают их на основании генетических факторов, отношения к агрессии и других проявлений. Я предпочитаю называть себя социопатом, так как корень «психо» вызывает негативные ассоциации. Я действительно страдаю определенным психическим расстройством, но я отнюдь не сумасшедшая.

Генетические факторы я могу проследить до биологического деда, который был, как рассказывают, исключительно холодным и черствым человеком. Его

покрытое шрамами лицо красноречиво свидетельствовало об импульсивности, склонности к риску и насилию. Ученый, конструктор ракет, он всю жизнь воображал себя ковбоем. Все унаследованные им сбережения он вбухал в ранчо, которое довел до полного развала, а затем продал, чтобы уплатить налоги. Он не хотел жениться на бабушке, но она забеременела; он был вынужден вступить в брак, но сбежал через несколько месяцев после рождения отца. Дед добровольно отказался от родительских прав и никогда в жизни не встречался с родным сыном. Я ничего не знаю о родителях деда, но мне думается, что яблоко от яблоньки недалеко падает.

Воспитание способствовало развитию патологических черт и у меня, хотя не совсем так, как показывают в документальных фильмах о социопатах. В детстве со мной очень хорошо обращались. Я не стала убийцей или уголовницей. Я ни разу не сидела в тюрьме, предпочитая камере увитую плющом беседку. Я дипломированный юрист и преподаватель права, типичный молодой ученый, регулярно печатающий статьи в специальных журналах. Я жертвую на благотворительность десять процентов доходов и бесплатно преподаю в воскресной школе. У меня прекрасные отношения с родственниками и друзьями, я очень люблю их, а они меня.

Вы не узнали себя в этом описании? Может быть, вы тоже социопат? Недавние исследования показали: в отдельных социальных группах социопаты составляют от 1 до 4 процентов. Получается, что есть такие места, где социопатом может оказаться каждый 25-й. То есть их может быть больше, чем людей, страдающих анорексией или аутизмом. Вы не серийный убийца? Никогда не сидели в тюрьме? Не обольщайтесь – то же самое касается подавляющего большинства из нас. Возможно, вы удивитесь, узнав: то, что вы не преступник, отнюдь не избавляет вас от диагноза «диссоциальное расстройство личности». Лишь 20 процентов из сидящих в тюрьмах мужчин и женщин – социопаты, хотя, вероятно, именно мы ответственны за половину серьезных преступлений. Кроме того, социопаты в большинстве своем не сидят в тюрьмах. Огромное (и молчаливое) большинство их живет на свободе, тихо и незаметно; они работают, женятся, выходят замуж, рожают детей и добиваются значительных успехов в обществе, которое считает их чудовищами.

Так кто же такие социопаты? Имя нам легион, и мы очень разнообразны. По крайней мере, один похож на меня. Может, другой – на вас?

У вас множество друзей, в вас влюбляются, вами восхищаются? Это ничего не значит. Напротив,

несмотря на дурную репутацию, мы, социопаты, отличаемся неотразимым, хотя и поверхностным обаянием. В нашем мире, населенном главным образом угрюмыми, заурядными ничтожествами, кусающими друг друга как крысы и суетливо рвущимися к кормушкам, мы очень выгодно выделяемся, и люди стремятся к нам, как мотыльки на огонь свечи.

Если бы нам довелось встретиться, я бы вам понравилась. Я совершенно в этом уверена, так как знакома с достаточным количеством людей, подпадающих под мои чары. Моя улыбка – словно у звезды телешоу: я улыбаюсь, демонстрируя (большая редкость!) сияющие зубы, и притягиваю, а не отталкиваю внимание. Я та девушка, которую вы с радостью привели бы на свадьбу своей бывшей жены. Радость, приятное возбуждение от великолепного сопровождения – жена вашего босса была бы в восторге от столь милого создания. Ваши родители были бы очень рады, увидев в своем доме такую умную и успешную девушку, как я.

Вы очень высокого мнения о самом себе? Я, например, высоко себя ценю. Эго социопатов – это давно известно – всегда в теле, как женщины на полотнах Рубенса. Я просто излучаю уверенность в себе, и ее уровень не соответствует моему состоянию и общественному положению. Я не отличаюсь высоким ро-

стом, но у меня широкие плечи и квадратный подбородок. Друзья часто отмечают мою твердость и самоуверенность. Однако я одинаково хорошо чувствую себя и в летнем платье, и в ковбойских сапогах.

Возможно, самый заметный признак моей уверенности в себе – способность выдерживать чужой взгляд. Некоторые считают, что у меня «взгляд хищника»; думается, он свойственен большинству социопатов. Умение не отводить глаза многим представляется признаком враждебности. Например, посетителям зоопарка не советуют смотреть в глаза гориллам, так как для них такой взгляд – сигнал к атаке. Видимо, так же думает и большинство людей, ибо в противном случае состязание взглядов не было бы столь вызывающе трудным. Мы, социопаты, не таковы. Нас нисколько не смущает чужой взгляд. То, что мы не склонны вежливо отводить глаза в сторону, воспринимается как признак самоуверенности, агрессии, соблазна или хищничества. Некоторых эта наша способность выводит из равновесия; но часто она же воспринимается и как признак страстной влюбленности.

Не приходилось ли вам убеждаться, что ваше очарование и уверенность в себе заставляют людей делать для вас то, чего они никогда не сделали бы для другого, менее уверенного в себе человека? Некоторые называют это манипулированием, я же считаю,

что обладаю умением распорядиться тем, что дал мне Бог. Само слово *манипуляция* кажется мне отвратительным. Люди употребляют его, чтобы избежать ответственности за свой собственный выбор. Если человек не жалеет о своем решении, не означает ли это, что никто им не манипулировал?

Множество людей считают, что манипуляция – та область, где черты социопата выглядят наиболее отталкивающими, но я не понимаю почему. Это не манипуляция, а всего лишь равноценный обмен. Люди всегда чего-нибудь хотят – доставить вам удовольствие, быть нужными и востребованными, считаться хорошими, и манипуляция – быстрый, пусть и грязный, способ дать им то, чего они хотят. Можно, конечно, считать, что их соблазняют. Один мой друг-социопат приводит следующий пример. Допустим, кто-то хочет продать машину за пять тысяч долларов, а другой хочет купить такую же машину за десять тысяч. Мне известно, что эти два человека незнакомы. Я покупаю машину за пять тысяч, продаю ее за десять и навариваю пять штук баксов. На Уолл-стрит и в других подобных местах это называется покупкой и продажей ценных бумаг, этим занимаются изо дня в день, и никто не считает это предосудительным. Все получили что хотели, и все будут счастливы, если не узнают больше того, что необходимо. Я воспользовалась

чужой неосведомленностью, к удовольствию продавца и покупателя и к своей выгоде.

В самом деле, я считаю, что люди, имеющие дело с социопатами, часто получают больше, чем при общении с «нормальными» людьми. Социопаты – та смазка, благодаря которой вращаются шестеренки мира. Мы исполняем мечты или хотя бы делаем вид, что исполняем. Иногда только мы во всем мире проявляем величайшее внимание к нуждам и потребностям других, при этом умело маскируя истинные причины своего внимания. Мы внимательно присматриваемся к намеченной жертве и стараемся стать воплощением того, в чем она нуждается, – хорошим работником, боссом или любовницей. Отнюдь не всегда наша маска скрывает злые умыслы или темные намерения. Наша жертва, как правило, превосходно себя чувствует в процессе обмена, и обычно все проходит гладко и заканчивается к обоюдному удовлетворению. Конечно, любой наш поступок имеет свою цену: мы никогда ничего не делаем бесплатно, мы всегда хотим что-то получить взамен – деньги, власть или просто удовольствие от чужого восхищения, но это не значит, что наши партнеры не получают ничего. Возможно, вам покажется, что это слишком дорого, но если вы заключаете сделку с дьяволом, значит, ни один ангел не предложил вам более выгодных условий.

Как у вас с моралью? Не находите ли вы, что значительно проще судить себя и других по стандарту «выживают самые приспособленные»? Люди порой упрекают нас, что мы не умеем сожалеть и раскаиваться, и полагают, что это плохо. Почему-то считается, будто способность испытывать чувство вины – неотъемлемый признак хорошего человека. Но мне думается, что в мире не существует универсальной и тем более «объективной» морали. Богословы и философы тысячи лет ломали копья в спорах, но так и не пришли к однозначному выводу, что это такое и каковы признаки и мера высокой нравственности. С моей точки зрения, трудно поверить в нечто столь эластичное и изменчивое, к тому же оправдывающее такие ужасы, как убийства по зову чести, «справедливые» войны и смертная казнь. Подобно большинству людей, я религиозна, и именно вера нравственно направляет мою жизнь, придает мне уверенности, помогает избегать тюрьмы и оставаться незаметной в толпе. Но суть морали всегда от меня ускользала и ускользает до сих пор.

У меня прагматичный взгляд. Я подчиняюсь требованиям морали, когда мне выгодно, а в иных случаях поступаю так, как нужно мне, не затрудняясь поиском самооправданий. Однажды мне пришлось помочь двум старикам, пережившим холокост, заполнить до-

кументы на получение компенсации от немецкого правительства. Это была супружеская чета. Она – милая светловолосая женщина лет восьмидесяти. Было видно, что она тратит немалые деньги на одежду, косметику и пластические операции. У ее мужа, человека еще более почтенного возраста, сохранилась копна седых волос, а на лице было написано выражение, характерное для престарелых звезд Голливуда. Его документы были в порядке. В какой-то момент он даже воинственно засучил рукав и показал мне вытатуированный на предплечье лагерный номер, совпадавший с указанным в документах. Бумаги женщины, однако, вызывали сомнения. Согласно документам, она находилась в разных лагерях с большими перерывами, что, учитывая немецкую педантичность, показалось мне странным. Я не знала, что именно следует написать в заявлении, и, сказав, что мне надо проконсультироваться в организации, отвечающей за выплаты компенсаций, встала со стула. Женщина впала в панику, схватила меня за руку и усадила на место. Вероятно, то, что последовало, объяснялось старостью, легким слабоумием и плохим знанием английского. Ткнув пальцем в одну из бумаг, она сказала: «Это не я».

Передо мной развернулась история мошенничества и выживания любой ценой. Я поняла это не

столько из слов клиентки, сколько благодаря профессиональной привычке подозревать обман. Глядя на ее светлые волосы и голубые глаза, трудно было предположить, что она еврейка. Во время нацистского режима она работала портнихой, а потом похитила документы у другой молодой женщины, умершей вскоре после освобождения из концлагеря. Они-то и подтверждали сочиненную моей клиенткой легенду. Такова суть, но я давно взяла себе за правило не задавать лишних вопросов. Наверное, даже ее муж не знал, кто она на самом деле. Возможно, это вымысел, игра ее или моего воображения.

Как бы то ни было, я не испытывала никаких угрызений совести, помогая ей заполнять нужные формы. Не мое дело оспаривать рассказанную ею историю – я должна лишь помочь связно ее изложить. Ситуация даже доставила мне удовольствие, так как женщина не вызывала у меня ничего, кроме восхищения. Я немало путешествовала и посетила множество мест, связанных с холокостом; побывала я и в Доме-музее Анны Франк. И везде я всегда поражалась равнодушию большинства людей: соседей, жителей городов, охранников концлагерей и самих заключенных.

Глядя на эту старую женщину, я видела саму себя. Мы родственные души. Она понимала, что значит выживать любой ценой, и похитила чужие документы,

чтобы обрести свободу. Хотелось бы и мне так преуспеть в жизни.

Наверное, ей повезло, что она попала ко мне, а не к другому волонтеру. Трудно сказать, но возможно, что человек с более твердыми моральными устоями, чем у меня, начал бы задавать неудобные вопросы, выдавливая из женщины компрометирующую ее информацию. По всей видимости, добросердечный волонтер мог бы понять, что женщина страдала во время войны, но не так, как те, кому предназначались компенсации. Наверное, во время войны она жила в постоянном страхе разоблачения. Кто знает, скольких людей ей пришлось подкупить, с кем подружиться и кого соблазнить, чтобы сохранить свободу. Но, возможно, нашелся бы юрист, не желающий помогать человеку, спасшемуся за счет нарушения общепринятых правил и норм. Должны ли мы испытывать отвращение к людям, берущим у системы то, что не принадлежит им по закону, пользуясь прорехами в социальном законодательстве? Некоторые, наверное, смогли бы упрекнуть мою клиентку в том, что она воспользовалась арийской внешностью, чтобы избежать участи своего народа. Но ей повезло: я не испытывала нравственных колебаний. Бумаги были оформлены, и пара отправилась в ближайший ресторан обедать.

Приходилось ли вам, к ужасу окружающих, молние-

носно принимать важные решения? Социопаты славятся спонтанностью поведения. Я, например, просто не знаю покоя; мне трудно надолго сосредоточиться на чем-то одном, я редко удерживаюсь на одной работе больше нескольких лет. Социопатам как воздух нужны внешние стимулы, без них мы начинаем скучать и поступаем необдуманно. Темная сторона нашей импульсивности состоит в том, что мы фиксируем внимание на чем-то одном, отвлекаясь от всего остального, и теряем способность прислушиваться к доводам разума. Но если большинство, поддаваясь моменту, теряет голову, я делаю то же с холодным сердцем.

Я никогда никого не убивала, хотя часто хотелось, но тут я едва ли отличаюсь от остальных. Мне редко хотелось убить кого-то из близких; чаще такое желание возникало в отношении случайных людей, почему-либо вызвавших раздражение. Однажды, когда я была в Вашингтоне на конференции правоведов, рабочий в метро попытался пристыдить меня за то, что я попыталась войти на закрытый эскалатор. Он спросил меня по-английски с сильным иностранным акцентом: «Вы что, не видите желтый барьер?»

Я: Желтый барьер?

Он: Да! Я только что поставил барьер, и, значит,

проход на эскалатор закрыт!

Я смотрю на него без какого-либо выражения.

Он: Это нарушение! Разве вы не знаете, что входить на закрытый эскалатор нельзя? Вы же нарушаете закон!

Я остаюсь бесстрастной.

Он *(явно озадаченный отсутствием реакции с моей стороны):* Ну хорошо, в следующий раз не нарушайте, ладно?

Нет, не ладно! Совершив нечто ужасное, люди часто потом объясняют, что «сорвались». Мне очень хорошо знакомо это ощущение. В тот раз я стояла, дожидаясь, когда волна ярости захлестнет часть мозга, ответственную за решения. Когда момент настал, я преисполнилась ледяного спокойствия и целеустремленности. Прищурив глаза и сжав зубы, я пошла за рабочим. В крови бушевал адреналин. Во рту пересохло, появился металлический привкус. Усилием воли я заставила себя внимательно следить за всем, что происходит вокруг, стараясь предугадать, как поведет себя толпа. До этого я не бывала в Вашингтоне и редко ездила в метро. Час пик еще не наступил. Я рассчитывала, что он в одиночку зайдет в какой-нибудь пустынный проход или незапертое помещение и там я застану его одного. Я была полностью сосредото-

чена на том, что сделаю потом. В воображении мои пальцы смыкались на его горле и жизнь постепенно покидала его. Вот проявление высшей справедливости, казалось мне.

Теперь и подумать об этом странно. Я вешу 60 килограммов, а в нем было не меньше 75. Как у всех музыкантов, у меня сильные руки, но настолько ли, чтобы задушить крупного мужчину? Легко ли лишить человека жизни? Когда однажды дошло до дела, я не смогла даже утопить детеныша опоссума. Я находилась под властью иллюзии собственной силы, но в конце концов ничего не произошло – рабочего я потеряла в толпе. Ярость улеглась так же быстро, как и возникла.

Я часто спрашиваю себя, что бы случилось, если бы я не упустила его из виду. Я уверена, что не смогла бы его убить, но почти наверняка знаю, что напала бы. Стал бы он сопротивляться? Получила бы я травму? Вмешалась бы в дело полиция? Смогла бы я что-нибудь сказать или сделать, чтобы выпутаться из неприятного положения? Я часто задумываюсь об этом и многих других подобных случаях и понимаю, что в один прекрасный день могу влипнуть в очень некрасивую историю. Как реагировать? Смогу ли я симулировать раскаяние? Или меня тотчас разоблачат?

По моим наблюдениям, потребность социопатов в

стимуляции извне проявляется по-разному, в зависимости от личностных особенностей. Я нисколько не удивляюсь, что некоторые социопаты удовлетворяют эту потребность посредством преступлений или насилия, особенно если условия благоприятствуют. Другие, однако, удовлетворяют свою потребность в стимуляции иными, более легальными путями: поступают на службу в пожарные команды или в разведку, дерутся в залах заседаний советов директоров корпоративной Америки. Мне думается, что социопаты, выросшие в низших слоях общества, чаще всего становятся, например, наркодилерами, а социопаты, воспитанные в семьях среднего и высшего класса, – хирургами или руководителями.

Вы смогли добиться успеха, быстро поднимаясь по карьерной лестнице в таких конкурентных областях человеческой деятельности, как бизнес, финансы или право? Если обаяние, коварство, черствость и чрезмерная рациональность и вправду типичные черты социопатов, то, вероятно, не стоит удивляться, когда многие из них добиваются высокого положения в обществе. Один репортер CNN сказал: «Присмотритесь к симптомам психопатии – и увидите, что это, возможно, черты, способствующие успеху в политике и предпринимательстве». Доктор Роберт Хиар, один из ведущих специалистов по социопатии, считает: у соци-

опата в четыре раза больше шансов стать руководителем корпорации, чем окончить свои дни в должности больничного санитара, так как особенности социопатической личности как нельзя лучше соответствуют условиям труда высокопоставленного руководителя.

Эл Данлэп, бывший руководитель фирм Sunbeam и Scott Paper, был известен как «спаситель» тонущих фирм и поборник временных увольнений до тех пор, пока его не привлекли к ответственности за мошенничество с ценными бумагами. В книге «Тест на психопатию» («*The Psychopath Test*») Джона Ронсона Данлэп признается, что обладает многими чертами психопата, но считает их жизненно важными для успешного ведения бизнеса. Например, он считает, что умение манипулировать людьми можно толковать как способность воодушевлять и вести за собой других. Раздутая самоуверенность необходима, чтобы переживать тяжкие деловые неудачи: «Надо очень сильно любить себя, и только тогда добьешься успеха в бизнесе». Не стоит повторять, что благодаря неспособности к сочувствию мы, социопаты, превосходно делаем грязную работу, на которую ни у кого другого не хватает духу, – увольняем сотрудников и сокращаем тем самым количество рабочих мест. Именно за способность принимать беспощадные решения Данлэп за-

служил прозвище «пила Эл».

Вы легко отвлекаетесь? Это всего лишь умение ориентироваться в ситуации. Вам постоянно нужна стимуляция и вы обожаете игры? Значит, вы любите риск, что часто вознаграждается в бизнесе. Если вы соединяете в себе склонность к манипулированию, нечестность, черствость, высокомерие, неумение справляться с инстинктивными побуждениями и другие черты социопата, то вы станете либо социально опасной личностью, либо великим предпринимателем. Роберт Хиар говорит, что самый верный признак «успешного социопата» – «хищнический дух», сопутствующий удачному бизнесу.

Я не удивлюсь, если вы узнаете себя в набросанном мною портрете. Статистика позволяет утверждать: многие будущие читатели этой книги даже не подозревают, что они социопаты. Если так, то добро пожаловать домой.

Однако моя личность не исчерпывается социопатическими чертами. В других отношениях я вполне заурядный, обычный человек. В настоящее время я веду спокойную жизнь типичного представителя среднего класса в небольшом американском городе. По выходным дням езжу в супермаркет за покупками. Работаю больше, чем следует, и страдаю бессонницей.

Если мне не приходится поступать импульсивно, то мое поведение всегда отличается целесообразностью. Легче всего мне дается следить за собой. У меня аккуратные ухоженные ногти и тщательно выщипанные брови. Мои темные волосы, отвечающие всем неписаным требованиям моды, красиво падают на плечи. Спереди они доходят до ресниц, сглаживая впечатление от горящих глаз, блестящих, словно осколки янтаря с зубчатыми краями – будто что-то разбилось, когда они впервые увидели мир. Они любопытны и беспощадны.

Надо сказать несколько слов и о моем интеллекте, хотя мне самой трудно в нем разобраться. Люди подчас легко признаются, что красотой они обделены, но редко соглашаются признать свою умственную неполноценность; интеллект же отличается такой многогранностью, таким разнообразием скрытых особенностей, что буквально подталкивает обладателя к самообману. Даже юнец, изгнанный из колледжа за неуспеваемость, склонен думать, что и он мог бы стать вторым Стивом Джобсом, если бы не склонность к метамфетамину.

Мне кажется, что я довольно трезво отношусь к своему интеллекту. Возможно, я умнее вас, дорогой читатель, но понимаю, что это верно не во всех случаях. Я вполне допускаю, что существуют иные разновид-

ности интеллекта, отличающиеся от разума в обычном понимании (каковым я отнюдь не обделена), но к большинству из них я отношусь без всякого почтения. Я считаю, что истинный, достойный уважения интеллект характеризуется врожденной способностью анализировать окружающую обстановку и неуемным желанием и способностью учиться. Интеллект такого типа редко встречается в человеческой популяции. Я еще в первой молодости поняла, что умнее почти всех окружающих. С этого начались мои победы и мое одиночество.

Не всегда понятно, что отделяет таких людей, как я, от остальных членов общества. Диагноз «социопатия» нельзя поставить только по внешнему поведению человека; необходимо также учесть и внутреннюю мотивацию его поступков. Возьмем для примера историю с детенышем опоссума. Само по себе такое убийство не говорит о психопатии или социопатии. Убить маленького миленького зверька, причем с садистской жестокостью, – не обязательно признак социопатии. Я пыталась убить животное только из соображений целесообразности и делала это совершенно бесстрастно.

Я не чувствовала никакой необходимости в моральных оправданиях за то, что оставила детеныша умирать долгой мучительной смертью. Я вообще не

думала о какой-то моральной ответственности. По поводу гибели животного я не чувствовала ни радости, ни печали. Я о ней просто не думала. Я всего лишь хотела как можно скорее и наиболее удобным способом решить проблему. Я думала только о себе. Если бы я спасла детеныша, он, конечно, не причинил бы мне никакого вреда, но от такого спасения для меня не было никакой очевидной выгоды, и я даже не рассматривала такую возможность. Не было и необходимости добивать опоссума; вероятно, бассейн был уже загрязнен экскрементами бившегося за жизнь детеныша. Гораздо разумнее заняться другими делами и дождаться неминуемой смерти животного.

Думаю, что о сущности социопатии больше говорят не действия сами по себе. Социопат концептуально отличается от всех остальных своими побуждениями, мотивациями и откровенными описаниями внутренней жизни. В повествования об интимном социопаты не включают такие элементы, как чувство вины или угрызения совести; в рассказах присутствует только интерес к самому себе и к самосохранению. В моих рассуждениях вы не найдете моральной оценки – все ограничивается соотношением затрат и прибыли. На самом деле все социопаты без исключения одержимы властью, борются со скукой и ищут удовольствий. В моих историях всегда говорится о том, как я умна и

как хорошо обыграла ту или иную ситуацию.

Точно так же я часто живо воображаю себе, как «уничтожаю людей», обольщая кого-то до такой степени, что этот человек становится моим со всеми потрохами. Все истории, которые я себе рассказываю, отличаются возвеличиванием моих действий. Я провожу много времени, прокручивая в голове происшедшие события, и представляю себя в них сильнее и умнее, чем в действительности (социопаты редко страдают депрессией – им помогает способность рассказывать себе чудесные сказки о собственной привлекательности, уме и хитрости и вера в эти сказки). Единственная ситуация, в которой я испытываю стыд или смущение, – это когда меня переиграли. Меня никогда не смущает, что кто-нибудь может плохо обо мне подумать, если я обыграла этого человека, в чем-то его превзошла.

Мне неведомы эмоции, испытываемые большинством нормальных людей. Для них, например, чувство вины служит удобным сигналом, сообщающим, что человек переступил некоторые дозволенные обществом рамки поведения. Но чувство вины совершенно не обязательно для того, чтобы вести социально приемлемый образ жизни. Чувство вины – отнюдь не единственное, что удерживает людей от убийств, воровства и обмана. Напротив, очень часто никакое

чувство вины не удерживает от преступления и мошенничества. Следовательно, не отсутствие способности ощущать вину делает социопатов преступниками. У нас есть альтернативные способы сохранять приемлемое в обществе поведение. На самом деле, поскольку нашими действиями не управляет чувство вины, постольку мы лишены множества эмоциональных предрассудков и обладаем большей свободой в мышлении и поступках. У меня, например, не было ни малейшей потребности каким бы то ни было образом обходить моральные принципы, чтобы помочь старой леди оформить документы о мнимом пребывании в нацистском концлагере. Мне кажется, что я смогла наилучшим образом ей помочь только благодаря эмоциональной отчужденности. Недавние исследования показывают: в формировании моральных суждений главную роль играют эмоции и неосознанные реакции и только потом следует рациональное обоснование. Человеческий мозг – фабрика по производству мнений, и часть ее работы – рациональное обоснование нравственного чувства. Разумно принятое решение не гарантирует от ошибок, но чувство вины, раскаяние и сожаление тоже не дают таких гарантий. Ни социопаты, ни эмпаты не обладают исключительной монополией на плохое поведение.

Мне думается, некорректно требовать, чтобы лю-

ди притворялись, будто страдают от раскаяния или вины. Стоит ли удивляться, что социопатов считают отъявленными лжецами? Им не остается иного выхода: если признаешься в истинных чувствах (или в их отсутствии) или выразишь настоящие мысли, то попадешь на путь ужесточения судебного приговора, создашь себе же репутацию асоциального элемента или получишь иные негативные последствия. И все только потому, что твои чувства и мысли не соответствуют стереотипам большинства.

Жизнь в мире эмпатов заставляет меня остро чувствовать, как я от них отличаюсь. В романе Джона Стейнбека «К востоку от Эдема» есть героина Кэти, типичный социопат:

Еще в детстве в ней проявилось что-то, заставлявшее людей приглядываться к ней, а потом отворачиваться, а затем снова приглядываться, ибо в этой девочке им чудилось нечто чуждое. Выражение ее глаз постоянно менялось и никогда не оставалось прежним. Двигалась она неторопливо, говорила мало, но, несмотря на это, стоило ей войти в комнату, как все взгляды устремлялись на нее.

Как и в Кэти, во мне тоже всегда было нечто чуждое остальным. Одна моя подруга, тоже социопат, опре-

делила это так: «Люди не в состоянии указать пальцем на эту черту, но, как бы глупы они ни были, тем не менее каким-то непостижимым образом знают, что я другая».

Иногда я кажусь себе героиней фильма «Вторжение похитителей тел»[2]. Любая случайность, любой намек на то, что я другая, может вызвать подозрение. Я имитирую способы, какими люди взаимодействуют между собой, не для того, чтобы обмануть их, а только чтобы не выделяться. Я прячусь, так как боюсь: если меня обнаружат, то станут считать существом низшего порядка. Я не хочу, чтобы меня уволили с работы, не хочу, чтобы меня поместили в лечебницу только из-за того, что большинство не в состоянии меня понять. Я прячусь и маскируюсь, потому что общество не оставило мне иного выхода.

Заслужила ли я враждебность?

Я не садист. Да, мне подчас случается причинять боль другим, но так поступают все, а не только социопаты. Наоборот, мне кажется, что величайший вред наносят поступки, как раз обусловленные пылкими страстями: разъяренный брошенный муж убивает бывшую жену, ибо ему невыносима сама мысль, что она может принадлежать другому; вооруженный

---

[2] Фильм Д. Сигела по роману Д. Финнея, снятый в 1956 г. Оригинальное название Invasion of the Body Snatchers.

фанатик идет убивать и умирать, ослепленный верой; отец испытывает к дочери чересчур нежную привязанность. От меня обществу не стоит ожидать взрывов столь пылких чувств.

Но при всем том я всегда стараюсь сгладить острые углы, возникающие в отношениях с самыми близкими людьми. Я сознательно и очень тщательно оберегаю их от понимания того, что всегда оцениваю степень их полезности для себя, так как знаю, что такое отношение причинит им боль. Она может иметь отрицательные последствия для меня: я могу потерять хорошее отношение и материальные выгоды, ведь терпение друзей и родственников все же имеет границы. И я приучила себя «понимать» чужие чувства, держать язык за зубами, не возражая против идей и мыслей, возникающих в куриных мозгах. Конечно, я беспощадна к врагам, но так поступают почти все.

Несколько лет назад у меня произошла целая серия неудач. То было время потерь и тщательной интроспекции, и именно тогда я поняла, что корень многих моих проблем – «социопатический» образ жизни и мышления. Одна моя подруга уже давно поставила мне диагноз «социопатии», но я успела забыть о нем до наступления полосы неудач. Но теперь я отнеслась к социопатии серьезно. Я начала искать ответы в интернете и научных журналах. Я пришла в

ужас от пропитывавших все выступления предрассудков и предубеждений. Я читала блоги жертв мошенничества, но в интернете не нашла высказываний и анализа самих социопатов. Мне показалось, что я должна высказаться, познакомить людей со своими взглядами на жизнь, обусловленными моими интересами, чувствами и мыслями. Мне показалось: если существую я, то должны существовать и другие похожие на меня – такие же социопаты, отличившиеся не на криминальном поприще, а в бизнесе и достойных профессиях. Мне захотелось диалога, чтобы сформулировать и обнародовать свою точку зрения. Мне захотелось расширить дискуссию о социопатах, сделать ее не допросом арестованного в кабинете следователя. Во мне заговорил предприниматель: я стала бы первой, кто это сделал (причем сделал хорошо). Итак, в 2008 г. я завела блог SociopathWorld.com (Мир социопата). Я задумала его как площадку для дискуссий, в которых приняли бы участие и сами социопаты, и все остальные люди, любящие и ненавидящие их.

В настоящее время сайт посещают тысячи людей в день; с момента регистрации блога аудитория составила более миллиона пользователей со всего мира. Возникло активное онлайн-сообщество. В него входят агрессивные нарциссы, склонные к насилию социопаты и болезненно возмущенные эмпаты, ежеднев-

но оставляющие свои комментарии – иногда вполне разумные, но преимущественно грубые и поверхностные, словно суждения первокурсника. К своему удивлению, я вскоре обнаружила: между комментаторами возникают споры и дискуссии, уводящие далеко в сторону от заявленной темы. Люди начинают ругаться и препираться, стараясь сохранить, так сказать, свою территорию, стыдят и дразнят друг друга, проявляя социальную активность, которую я не могла себе представить. Некоторые делятся фактами из своей жизни, словно исповедь принесет отпущение греха или поможет хотя бы отчасти принять себя такими, какие они есть. Поведение таких комментаторов мне понятно. Есть, однако, люди, находящие на сайте убежище. Возможно, они пытаются по крохам собрать хоть какие-то сведения, которые помогли бы им лучше управлять собственной жизнью, или приблизиться к группе отверженных, частью которых они, как им кажется, тоже являются.

Любимая часть блога – это общение с такими же активными социопатами, как я. Мне удалось проникнуть в тайное сообщество сложных характеров, где каждый имеет неповторимую историю. Несмотря на многообразие судеб, я узнаю себя в этих людях, а они – себя во мне. Я, конечно, отличаюсь от убийцы, серийного насильника или профессиональной мошенницы,

неспособной контролировать свое поведение, но все мы переступили порог социопатии, определенный Хиаром[3]. Мы все – собственники одного капитала, который годами копили в изоляции, стараясь разобраться в жизни и решить, как нам быть. Возможно, мир ненавидит нас, возможно, что мы, социопаты, незнакомы между собой и даже недолюбливаем друг друга, но мы, во всяком случае, понимаем друг друга и знаем теперь, что в мире много таких, как мы. Познакомившись с великим множеством социопатов, а также с людьми иного психологического склада, сталкиваясь с ними в блоге и в реальной жизни, я смогла избавиться от многих заблуждений – например, что все криминальные социопаты избыточно импульсивны и занимают низшие ступени социальной лестницы. Кроме того, я утвердилась во мнении, что социопаты действительно отличаются от подавляющего большинства людей, причем эти отличия пугают и настораживают. Если социопат в моем блоге начинает преследовать какого-то пользователя, то он проявляет упорство питбуля. Социопаты не успокаиваются, пока не выяснят всю подноготную потенциальной

---

[3] Имеется в виду Роберт Хиар, известный канадский психолог, специализирующийся на криминальной психологии. В 2007 г. в издательстве «Вильямс» вышла его книга «Лишенные совести. Пугающий мир психопатов».

жертвы, а затем начинают действовать. В результате рушатся браки и ломаются судьбы – и все это из чисто спортивного интереса. Социопаты любят рушить чужие жизни, и именно этим часто занимаются в интернете, делая гадости совершенно незнакомым людям.

Я отнюдь не желаю создать ложное впечатление, будто социопаты совершенно безвредны и их не следует опасаться просто потому, что я сама не так уж плоха. Из того, что я умна, занимаю достойное положение в обществе и не склонна к насилию, отнюдь не следует, что в мире не существует глупых, необузданных или опасных социопатов, которых следует избегать. Я и сама стараюсь избегать их. Дело в том, что в своем отношении к людям социопаты не делают исключений для «своих». Реально отмороженные социопаты, возможно, не появляются в моем блоге и прячутся в своих норах. Поэтому кто знает, будут ли они похожи на известных мне или будут разительно отличаться. Да, нас объединяют некоторые черты, но мы отличаемся тем, как именно эти черты отражаются на нашем поведении.

На мой взгляд, социопатия может проявляться поразному. Социопат может быть кем угодно – от получившего пожизненный срок серийного убийцы и беспощадного венчурного инвестора до мамочки, активного члена родительского комитета. Для приме-

ра можно рассмотреть случай человека, страдающего синдромом Дауна. У меня два родственника, страдающих этим синдромом – один кровный, другой взят в семью. Кровный родственник, в общем, похож на своих братьев и сестер, родителей, дядей и тетей, но, кроме того, безумно похож на свою названую сестру, тоже страдающую синдромом Дауна. Более того, сторонний наблюдатель, пожалуй, скажет, что он больше похож на нее, чем на кровных родственников, особенно если такой наблюдатель не даст себе труда внимательно присмотреться и увидеть нечто за типичными чертами больного – широким плоским лицом, наплывшими верхними веками, приземистой фигурой и тд.

Синдром Дауна – весьма интересное заболевание. Всего лишь одна лишняя хромосома накладывает отпечаток на экспрессию практически всех остальных генов, как будто вы берете исходный генетический материал и набрасываете на него характерную маску.

Думаю, что социопатия – заболевание, похожее на синдром Дауна. Моя личность в целом напоминает личности моих братьев и сестер. Кроме того, она похожа и на личности моих коллег и друзей, то есть тех, кого я избрала в свое окружение, потому что они имеют похожее мировоззрение. Но помимо этого, моя личность во многом подобна личностям других социопатов, и это сходство бросается в глаза из-за того, что

социопаты сравнительно редко встречаются в общей популяции. Я не перестаю удивляться тому, насколько мои привычки и образ действий похожи на привычки и образ действий совершенно незнакомых мне людей – иного пола, происхождения, расы, гражданства, воспитания и возраста. Насколько я могу судить, мы все очень разные, но между нами невозможно не заметить некоего родового сходства.

Когда я зарегистрировала свой блог, я старалась в постах день за днем тщательно записывать, что значит быть социопатом. С одной стороны, откровенно говоря о той ограниченной роли, какую играет в моей жизни социопатия, я рисковала предстать перед аудиторией не вполне состоявшимся социопатом. С другой стороны, хотела представить себя как реального человека, а не карикатуру из телевизионного шоу. Я решила делать акцент на подлинность, а не на возбуждение нездорового любопытства. Такую же цель я поставила себе в этой книге. Я знаю, что буду жить долго. До сих пор мне удавалось скрывать от окружающих социопатию, но неизвестно, сколько времени это продлится. Возможно, я окончу свои дни в концлагере для социопатов – если, конечно, повезет. Некоторые посетители моего блога утверждают, что дело кончится тотальным истреблением таких, как мы. Надеюсь, что, познакомившись с одним социопатом, со

мной, вы все же пожалеете, когда меня в телячьем вагоне повезут в лагерь.

Я надеюсь, что и вы извлечете из книги что-то полезное для себя – во всяком случае, узнаете о нашем существовании и начнете лучше понимать тип людей, с которыми вам ежедневно приходится иметь дело. Я, правда, не думаю, что я типичный социопат. Не все, что я делаю, соответствует образцам, приведенным в психиатрических исследованиях. Очевидно, что не все мои поступки подпадают под диагностические критерии, выработанные психологами для определения социопатического поведения. Думаю, что это удивит многих, особенно тех, кто черпает представления о социопатии из фильмов про убийц-психопатов. Но до такой степени, до какой распространяется наша общность, особенно в области мышления, я понимаю других социопатов, причем там, где они делают жуткие вещи. Я хочу представить на ваш суд мои внутренние диалоги, мои мотивации, потому что верю: понять умонастроение и мировоззрение одного социопата – значит проникнуть в сознание всех остальных. Возможно, кроме того, вы обнаружите: мое мышление не слишком сильно отличается от вашего.

Археолог Клаус Шмидт сказал однажды, что присутствие в нынешней человеческой культуре, в отли-

чие от культуры неолита, чудовищ и полулюдей указывает на более высокую ступень развития. Идея в том, что чем больше общество отдаляется от природы и от здорового страха перед ней, тем сильнее стремление человека изобретать источники страха.

Есть романтическая поэма «Ивейн, или Рыцарь со львом», написанная в XII в. Кретьеном де Труа. В поисках приключений рыцарь Ивейн наталкивается на чудовище: «настолько отвратительна была эта тварь, что никакие уста в мире не нашли бы слов для ее описания». Я представляю себе монстра в образе молоденькой девушки. Она лежит в кровати, в спальне, которую делит со своей сестрой, в большом родительском доме. Пряди темных волос слегка касаются ресниц. Девушка закрывает глаза и представляет себе перерезанное горло сестры. Из раны бурным потоком хлещет сверкающая алая кровь.

Чтобы убедиться, ждет ли его битва с чудовищем, Ивейн вопрошает:

«Дай же мне знать, доброе ты существо или нет?»

Существо отвечает: «Я есьм человек».

«Какой же ты человек?»

«Я таков, каким ты меня видишь; я не могу быть другим».

Люди интересуются сознанием социопатов, и этот интерес понятен, но я подозреваю, что он подогрет нездоровыми побуждениями. Эта книга наверняка разочарует вас, если вы ждете от нее страшных сказок о жестокости. Такого здесь нет. К тому же насильником и убийцей может стать любой, если попадет в соответствующие обстоятельства. Не думаю, что в подобных рассказах имеется что-то интересное, по крайней мере, мне нечего добавить к этому аспекту жизни человечества.

Думаю, намного интереснее разобраться, зачем я покупаю дом для близкого друга, а на следующий день дарю брату десять тысяч долларов. Недавно я получила по электронной почте письмо от подруги, страдающей запущенной злокачественной опухолью. Она написала, что ни от кого и никогда не получала таких дорогих ее сердцу подарков и что она благодарна, что судьба свела ее со мной. Я считаюсь очень заботливым преподавателем – одним из лучших в нашем учебном заведении. Я искренне верю в Бога. Я на самом деле хороший человек, и тем не менее мои мотивации отличаются от мотиваций большинства хороших людей. Чудовище ли я? Я предпочитаю думать, что просто занимаю другое место в спектре человечности.

Глава 2
Диагноз: социопатия

Итак, каким образом я в конце концов пришла к выводу, что у меня социопатия? Мы все крепки задним умом, поэтому теперь я вижу, что признаков великое множество. Но понадобился крах в профессиональной и личной жизни, случившийся, когда мне было около 30, чтобы я задумалась всерьез.

Мои родственники любят подшучивать надо мной за неспособность заниматься каким-то одним делом больше двух лет. Учеба в средней школе, конечно, фарс и профанация, но я все же окончила школу неплохо, получив национальную стипендию за заслуги. Профилирующей дисциплиной в колледже я – из чистого каприза – выбрала музыку: ударные инструменты, так как по программе требовалось овладеть четырьмя инструментами, а у меня внимания едва хватало на один. На юридический факультет я поступила, потому что не требовалось никаких предварительных условий. Вступительный тест сдала достаточно хорошо для поступления в престижное учебное заведение, несмотря на то что средний балл успеваемости в колледже свидетельствовал, что я хоть и ум-

на, но упорный труд вызывает у меня непреодолимую скуку.

После окончания юридического факультета я устроилась адвокатом в «элитную», как она сама себя рекомендовала, юридическую контору. Мои коллеги были лучшими студентами лучших университетов. Я с трудом выдержала собеседование и тест, но все же выдержала. Предполагалось, что мы лучшие из лучших, и контора не скупилась на вознаграждения. Через два года после окончания университета я зарабатывала 170 тысяч долларов в год плюс 90 тысяч в виде бонусов. Я попала в обойму, и если бы все было хорошо, то каждый следующий год меня ожидало бы увеличение зарплаты. Но я была ужасным работником.

Я никогда не могла хорошо работать, если работа не приносила интеллектуального удовлетворения или не улучшала мое резюме, и прибыльность тут ни при чем. Большую часть усилий я тратила на увиливание от работы и на планирование деятельности во время обеденных перерывов и кофе-пауз. Тем не менее, получив наконец плохую характеристику в конце года, была безмерно удивлена. И еще больше удивилась, когда меня вызвал шеф и сказал, что я должна либо взять себя в руки и подтянуться, либо уволиться.

Я не взяла себя в руки и не подтянулась. Я отправи-

ла резюме в несколько юридических фирм и быстро устроилась на работу с большей зарплатой, в не менее престижную контору. Но по-прежнему испытывала отвращение к высокооплачиваемому перекладыванию бумаг. Я была уверена, что предназначена для чего-то большего, чем должность младшего партнера. Пару месяцев спустя я оказалась на улице. Под мышкой у меня была коробка с пожитками. Я ждала подругу, которая должна была отвезти меня домой.

Как раз в это время заболел раком отец одной моей близкой подруги. Когда-то ее общество доставляло мне большое удовольствие: она была интеллигентна, умна, независима и проницательна. Свалившаяся беда обнажила ее эмоциональную хрупкость и привязанность к семье. Я устала приспосабливаться к ее настроению. Мне вдруг пришло в голову, что я вкладываю в наши отношения больше, чем получаю взамен. В конечном счете я решила порвать с ней и прекратить все контакты. Сначала я не испытывала ничего, кроме облегчения, но потом заскучала. Однако я предвидела такой поворот событий и старалась не придавать ему большого значения.

Следующие два года я жила на пособие по безработице. Мои родственники не на шутку встревожились, они все время спрашивали, что я собираюсь делать дальше. Но сама я отнюдь не ощущала, будто

переживаю какой-то экзистенциальный кризис. Моя жизнь всегда делилась на двухлетние интервалы. Я считаю, что планировать что-либо за пределами этого срока бессмысленно.

Тем не менее нагромождение неудач оказалось сюрпризом – невыполнимым стал даже двухлетний план. Я пребывала в подвешенном состоянии, потеряла ориентацию и оказалась в глупейшем положении, умудрившись потерять престижную и доходную работу в избранной мною самой области. Я подумывала о том, чтобы поступить в бизнес-школу, но не знала, в какую именно и зачем – только ради того, чтобы снова пережить цикл успеха и краха? Я бессердечно покинула подругу в тяжелый момент ее жизни. Сколько еще отношений предстоит мне разрушить? Я понимала, что нормальные люди так себя не ведут, и чувствовала, что теряю почву под ногами. Если я не нормальный человек, то что же со мной не так?

С беспощадностью, которую обычно приберегаю для других, я стряхнула с себя шелуху и сорвала все маски, чтобы разобраться, кто я на самом деле. Тогда и поняла, что всю жизнь была хамелеоном, животным, о котором впервые узнала в детстве из большой книги о мелких пресмыкающихся. Часть моей личности, предназначенная для общения, испарилась, и выяснилось, что все мои усилия поддерживать обще-

ние касаются лишь внешней оболочки, совершенно не затрагивая то, что внутри. И то, что внутри, остается для меня непроницаемым. Я никогда не любила, когда меня разглядывали; я любила смотреть на людей сама, но теперь поняла, что никогда не пыталась присмотреться к себе.

Я привыкла верить в собственную ложь. Мне надо было сосредоточиться на моментах, когда я чувствовала себя нормальной. Чудовище не плачет во время печального фильма. Сердце чудовища не разбивается, когда уходит любовь. Слезы, как и сердечная боль, о которой сложено так много песен, стали бы доказательством моей нормальности. Но как может разбиться сердце, если его нет? Я запросто убедила себя, что этой проблемы для меня не существует.

Одно дело – лгать другим, но совсем другое – годами обманывать саму себя. Я положилась на ложь и забыла, кто я на самом деле. И наконец вообще перестала себя понимать. Мне захотелось перестать быть чужой самой себе, впервые в жизни захотелось измениться.

То был переломный момент, но отнюдь не первая попытка заглянуть в глубины своей личности. Учась в колледже, общаясь с другими студентами, я часто попадала в неприятные ситуации (об этом подробно

рассказано в главе 5), и моя жизнь превратилась в сущий ад. Я не могла отыскать ярлык, которым можно было бы обозначить мое поведение. После долгого, честного и тщательного самоанализа я поняла, что склонна манипулировать другими, коварна, способна лишь на поверхностные отношения, одержима жаждой власти и всегда, любой ценой стремлюсь победить. Такое поведение сильно осложняло мою жизнь, и поэтому я изо всех сил старалась обуздать себя или, по крайней мере, не вести себя так в важных ситуациях.

Тогда я не знала, что такое социопат, и тем более не знала, что это касается меня; прозрение пришло много позже, когда я училась в университете и одна моя коллега впервые высказала такое предположение. Мы были вместе на летней практике и занимались какой-то рутинной работой, не стоящей упоминания. Я сильно скучала, и когда узнала, что моя коллега – лесбиянка и сирота, удочеренная в раннем детстве, начала совать нос в ее личную жизнь, стараясь найти какое-нибудь уязвимое место. Полная, веселая и общительная женщина оказалась настоящим кладезем слабых мест. Но выяснилось, что за фасадом прячется и другое. Оказалось, что она обладает мощным интеллектом, открыта и умеет жить среди людей. Мы сидели в одном кабинете и, чтобы отвлечься от ис-

сушающей работы, часами говорили о политике, религии, философии, моде и о чем угодно еще. С самого начала она опекала меня, как заботливая мамочка: давала мне советы, как одеваться на работе, и кормила овощными салатами, чтобы отучить от чизбургеров. Заметив это, я принялась анализировать, как ей удается привлекать к себе людей, чтобы они комфортно чувствовали себя рядом с ней. Я надеялась, поняв это, скопировать элементы ее поведения и честно сказала об этом. В отличие от меня, человека, смотрящего на жизнь сквозь призму холодной, безжизненной рациональности, она очень чувствительна и отзывчива. Нет, она, конечно, и очень разумна и интеллектуальна, высоко ценит деловое отношение к жизни, но время от времени забывала о рациональности, отдаваясь таким нематериальным вещам, как сочувствие или милосердие. Сама я не слишком высоко ценю эти свойства, но уважаю их в других, так же, например, как признаю, что не все обязаны разделять мои вкусы в отношении музыки или автомобилей.

У нее была магистерская степень по теологии, и мне нравилось пробовать на зуб ее веру. Первым делом я поинтересовалась, не Бог ли сделал ее лесбиянкой, но потом начала спрашивать и о других вещах, которые казались мне важными для нее. Помню, что я много расспрашивала ее об альтруизме, о ко-

тором не имела никакого понятия на основании собственного опыта. Я объяснила ей, что, на мой взгляд, умение точно оценить полезность человека – так же, как любого предмета, – делает бессмысленной необходимость оценивать его же с какой-либо иной стороны. Это происходило до того, как я оставила подругу, чей отец заболел раком, но и к тому времени у меня разрушилось множество отношений: я всегда избавлялась от людей, если бремя общения перевешивало пользу, которую я извлекала. Один из брошенных мною людей и сказал, что я начисто лишена альтруизма. Я признала, что, возможно, так и есть. Но возможно также, что пресловутый альтруизм – не что иное, как нарушение мышления, мешающее людям действовать, замораживающее их нерешительностью. А я, наоборот, могу свободно, по собственной воле, мгновенно распутывать клубки. Сотрудница в ответ лишь сочувственно кивала головой.

Однажды, вскоре после разговора об альтруизме, мы обсуждали адекватное поведение в ситуациях, когда мне приходилось утешать людей, страдавших от неразделенной любви. Видя, что я теряюсь в суждениях об этом предмете, она спросила, не социопат ли я. Помню, как, не зная, что ответить, принялась лихорадочно подыскивать слова, не вполне понимая, что такое социопат и почему она подумала, что я та-

кая. «Социо-» – это что-то об обществе, «патия» – какое-то болезненное состояние, то есть «социопатия» – нарушение отношения к обществу? Это мне знакомо.

Замечание коллеги меня не оскорбило. К тому времени я уже и сама отчетливо сознавала, что есть нечто, необратимо отличающее меня от других. Я очень рано поняла, что они рассматривают свою жизнь не как сложную игру, в которой все события, вещи и люди могут быть оценены и взвешены с математической точностью с точки зрения их полезности в личных целях и удовольствиях. Несколько позже я также заметила, что многие люди испытывают *чувство вины*, то есть сожаление особого рода, возникающее не от негативных последствий какого-то поступка, а от некоего нравственного императива, коренящегося в совести. Обидев другого человека или причинив ему зло, такие люди страдали так, словно их поступок нарушал что-то в устройстве вселенной, и это вселенское потрясение вызывало у них душевные муки. Мне приходилось притворяться, будто и я испытываю то же, я имитировала поведение испытывавших его, но самой мне чувство вины оставалось неведомо. Это сильно подстегнуло мое любопытство. Если есть ярлык, которым меня можно обозначить, то, вероятно, я смогу узнать о себе много интересного.

Действительно, начав читать статьи и книги о социопатии, я находила описания, в которых узнавала себя.

Оказалось, что когда-то моя сотрудница познакомилась с человеком, который, как она выяснила, оказался социопатом. Вместо того чтобы сочинить слезливую историю об очередной невинной жертве бессердечного мошенника, она поддерживала с ним многолетнюю искреннюю дружбу. Оглядываясь назад, могу сказать: стремление этой женщины смотреть на меня как на человеческое существо, невзирая на то что она считала меня социопатом, свидетельствовало, что меня можно понять и принять такой, какая я есть. Та женщина служила живым доказательством того, что не все наделенные совестью и сочувствием ужасаются таким, как я.

Я действительно была очень рада, что для меня нашлось определенное обозначение, термин, ибо это означало, что я не одинока в мире. Должно быть, подобные чувства испытывают люди, вдруг осознавшие свою гомо- или транссексуальность (нутром они, конечно, всегда чувствовали свою необычность).

С того момента, когда был поставлен любительский диагноз, до периода самоанализа и интроспекции после увольнения прошло несколько лет. Узнав слово «социопат» и поняв, что оно означает, я испытала кратковременное удовлетворение и стала отно-

ситься к этому факту как к интересному, но незначительному и постепенно забыла о нем. Однако, когда жизнь дала трещину, я поняла, что жить так – признавая, что я не такая, как все, и игнорируя это положение, – дальше нельзя. Мне отчаянно требовались ответы на мучительные вопросы, и я обратилась к психотерапевту. Но врач буквально стала игрушкой в моих руках, и к тому же сеансы – при весьма спорной эффективности – обходились довольно дорого. Однако во время психотерапевтических сеансов я вспомнила о былых разговорах во время практики и любительский диагноз – «социопатия». Я поняла, что ответ надо искать в социопатии, и принялась за книгу, которая как раз в то время целиком появилась в сети. Это была книга основоположника современного понимания психопатии доктора Херви Клекли.

В книге «Маска душевного здоровья» («The Mash of Sanity»), впервые опубликованной в 1941 г., Клекли описал черты, характерные для типа человека, которого сам автор называл психопатом, но которого теперь принято называть социопатом. Клекли утверждает: диагностировать психопатию чрезвычайно трудно, потому что при этой болезни не страдают ни умственные способности, ни умение нормально вести себя в обществе. Более того, психопат благодаря рациональности может добиться высокого по-

ложения в обществе. Клекли писал:

Мало того что психопат рационален в суждениях, а его разум лишен иллюзий; он, кроме того, реагирует на ситуации нормальными эмоциями. Свои честолюбивые цели он обсуждает со здоровым воодушевлением. Твердость его убеждений производит впечатление даже на закоренелых скептиков. На интерес к своей личности психопат отвечает вполне адекватными чувствами, а обсуждая свою жену, детей или родителей, производит впечатление теплого человека, способного на преданность и верность.

По мнению Клекли, психопаты – асоциальные личности, кажущиеся социализованными, то есть способными, как и остальные люди, на чувства, стремления, надежду и любовь. Психопаты практически неразличимы в толпе. На самом деле психопат ко всему прочему обладает привлекательными чертами, зачастую несвойственными многим «нормальным» людям. Психопат, по Клекли, обаятелен и остроумен, хладнокровен и красноречив; во всех ситуациях он проявляет незаурядное самообладание. Однако под «маской душевного здоровья» скрывается лжец, манипулятор, не желающий нести ответственность за

свои поступки. Он производит впечатление человека, способного на волнение, так как импульсивен, капризен и часто совершает одни и те же ошибки. Нарциссизм мешает ему устанавливать прочные, эмоционально окрашенные связи с другими людьми; он очень неразборчив в связях. Эмоциональный мир психопата – бледная имитация естественного эмоционального мира здорового человека. При этом Клекли признает: совокупность особенностей делает психопата подходящим в равной степени и для деловой, и для криминальной карьеры.

Никогда не узнавала я в себе социопата лучше, чем в клинических описаниях Клекли, составленных больше полувека назад. Наблюдая сотни пациентов, Клекли вычленил 16 ключевых поведенческих характеристик, определяющих психопатию. Большинство этих признаков до сих пор используются в диагностике социо- и психопатий, а также других расстройств социального поведения. Вот они:

- поверхностное обаяние и хороший интеллект
- отсутствие заблуждений и других признаков иррационального мышления
- отсутствие нервозности или психоневротических реакций
- ненадежность
- лживость, неискренность
- неспособность к стыду и раскаянию

•неадекватные обоснования асоциального поведения

•недальновидность и неспособность учиться на своем опыте

•патологический эгоцентризм и неспособность к любви

•тотальное обеднение главных аффективных реакций

•отсутствие настоящей проницательности

•снижение способности к глубоким межличностным отношениям

•шокирующее и неприемлемое поведение в состоянии алкогольного опьянения, а иногда и в трезвом виде

•угрозы самоубийством, которые очень редко исполняются

•безличность, банальность и эмоциональная скудость половой жизни

•отсутствие стратегических жизненных планов

Если вы когда-нибудь узнавали себя в гороскопе и думали: «Эге, в этой астрологии что-то есть», то вы поймете, что почувствовала я, прочитав книгу Клекли. Конечно, я нашла у себя не все признаки, но те, что совпали, напугали меня своей точностью. Обнажилось отсутствие общего направления моей жизни, холодность по отношению к друзьям, неспособность сосредоточиться на работе; я увидела психологические причины, лежавшие в основе многих моих про-

блем. В особенности меня поразили описания пациентов Клекли; некоторые из них так похожи на меня, что порой казалось, будто автор пишет обо мне. Среди пациентов Клекли была женщина по имени Анна. Ее описание показалось мне художественной версией моего случая:

В ней не было ничего яркого, бросающегося в глаза, но тем не менее, стоило ей войти в кабинет, я сразу понял, что она вполне заслуживает внимания, которым когда-то пользовалась. Можно было без всяких натяжек утверждать, что она хорошо выглядит, но любая другая женщина с такой внешностью едва ли могла бы произвести такое сильное впечатление. Говорила она отчетливо, с текучими интонациями, характерными для британского английского, постоянно произнося «р», «-инг» и употребляя причастие глагола «быть», как это делают в Лондоне. Для девушки, родившейся в Джорджии, такая речь могла бы показаться признаком некоторой аффектации. И все же в ее поведении сквозило как раз нечто противоположное, то, что создавало благоприятное впечатление, какое она неизменно производила на всех, с кем встречалась. Слово «наивность» имеет весьма неопределенное значение и употребляется столь часто, что его

трудно использовать для обозначения ее изысканности и душевности; но, описывая впечатление от нашей первой встречи, мне трудно избежать употребления именно этого слова, с его обертонами свежести, безыскусственности и искренности.

Ясно, что Клекли очаровала эта пациентка. Мне понравилось, как он описал ее причуды: акцент, безыскусственность, вечную молодость, привлекательность, превосходившую обычную красоту, ее ум и обаяние. Этими словами он мог бы описать и меня. Анне нравился роман Достоевского «Братья Карамазовы», но Клекли пишет, что она не проявляла склонности к «высокому» вкусу и предрассудкам, характерным для интеллектуалов ее уровня, и интересовалась бульварными журнальчиками не меньше, чем музыкой русских композиторов XIX в. Опять-таки все это он мог бы написать и обо мне. Далее Клекли рассказывал, что Анна с искренним удовольствием преподавала в воскресной школе, добровольно работала в Красном Кресте и не брезговала случайными однополыми связями, например с медсестрой госпиталя, где она как пациентка пользовалась всеобщей любовью, доходившей до обожания. Я находила массу параллелей с собственной жизнью, начиная с таких незначительных вещей, как преподавание в воскрес-

ной школе и образцовое поведение в госпитале и кончая изменчивыми сексуальными привязанностями. Я была просто поражена.

Клекли очень доходчиво излагает, почему, с его точки зрения, Анна соответствовала диагностическим критериям психопатии – главным образом потому, что не испытывала сожаления по поводу распутной жизни, но ясно также, что для него Анна – не просто совокупность пунктов из списка диагностических признаков. Она для него главным образом человек. Я тоже соотносила себя не с пунктами списка, а с конкретными людьми. Даже Клекли признается, что перечень диагностических критериев – всего лишь обобщение, благодаря которому эти люди кажутся похожими друг на друга, хотя в действительности они сильно различаются уровнем образования, воспитанием, происхождением, социальным и экономическим статусом, криминальным анамнезом. Но еще сильнее они отличаются от остальных. Я могла, конечно, поспорить с таким критерием, как «ненадежность», но была не в состоянии отрицать своего невероятного сходства с пациентами Клекли.

Книга приобрела широкую популярность. Ее читали не только ученые-психологи и врачи. Она выдержала несколько переизданий, и в каждое автор вносил значительные изменения, стремясь довести до со-

вершенства описание современного психопата. Клекли понимал: психопаты и социопаты, конечно, время от времени или даже весьма часто совершающие в высшей степени антиобщественные действия, могут, несмотря на характер, жить незаметно, приспособившись к окружению настолько, чтобы сходить за абсолютно нормальных и даже становиться полезными членами общества.

Так как Клекли понял, что в мире существуют социопаты, не совершающие преступлений, или социопаты настолько умные, чтобы не попадаться, то изучение социопатии, начавшееся с исследований поведения направленных на принудительное психиатрическое лечение мужчин, превратилось в дисциплину, объектом изучения которой стали женщины, подростки и те, кто никогда не бывал в психиатрических учреждениях. Многие из пациентов Клекли, подобно Анне, научились относительно нормально жить среди людей, в обществе. По собственному опыту могу сказать, что если бы Клекли сейчас посетил юридический факультет или большую адвокатскую контору, то нашел бы множество подходящих объектов для исследования.

Когда я поняла, что не одинока, мне захотелось побольше узнать о нас, о социопатах.

Он равнодушно взирал на веселье, его окружавшее, и, казалось, не мог разделять его. По-видимому, его внимание привлекал лишь звонкий смех красавиц, мгновенно умолкавший от одного его взгляда, когда внезапный страх наполнял сердца, до того предававшиеся беспечной радости. Никто не мог объяснить причины этого таинственного чувства; некоторые приписывали его неподвижным серым глазам незнакомца, которые он устремлял на лицо особы, перед ним находившейся; казалось, их взгляд не проходил в глубину, не проникал во внутренность сердца одним быстрым движением, но бросал какой-то свинцовый луч, тяготевший на поверхности, не имея силы проникнуть далее. Причудливость характера открыла ему доступ во все дома; все желали видеть его; жаждущие сильных впечатлений и теперь ощущавшие тягость скуки, львы света были рады видеть перед собою предмет, способный привлечь их внимание.

Джон Вильям Полидори, «Вампир»
(перевод П. В. Киреевского)

В 1819 г. Джон Вильям Полидори написал новеллу «Вампир», навеянную одноименным фрагментом Джорджа Гордона Байрона, породившим настоящую «вампирскую» лихорадку в Европе XIX в., в результате которой появились на свет произведения Брэ-

ма Стокера и современных «вампиристов». Прототип главного героя Полидори – своенравный и непредсказуемый лорд Байрон. Вампир проник в лондонское высшее общество и развлекал всех загадочными и противоречивыми манерами. В обществе одного молодого джентльмена он поехал на юг, в Италию и Грецию, где без ведома спутника соблазнял и убивал молодых женщин, а затем сам стал жертвой убийства. Тем не менее спустя год вампир снова появился в Лондоне, где соблазнил сестру своего спутника и женился на ней. Утром на брачном ложе обнаружили обескровленный труп новобрачной.

Вампир – одновременно обаятельный и коварный – занимает уникальное положение привлекательного чудовища. Это не безумец и не дикарь; на самом деле своими манерами он превосходит многих светских знакомых. Обращение его безыскусственно, но очень приятно, глаза пусты, но взгляд опьяняет. Видимые изъяны привлекают к нему жертв, а его непохожесть на других захватывает, в то время как сам он смотрит на них как на неодушевленные предметы. Вампир не ищет уединения; он прожигает жизнь, так как просто не умеет жить по-другому. Он пьет кровь, потому что она его насыщает; он играет людьми, потому что это доставляет ему удовольствие. Душа вампира не знает покоя.

Готический вампир – социопат, написанный щедрыми мазками, харизматический и утонченный, это хищник, неслышно крадущийся среди нас. Миф о вампире прослеживается со Средних веков, происхождение его коренится в славянской мифологии, основанной на отчетливом разделении тела и души. Нечистота души порождает вампира, существо неестественное и вечное.

Социопаты существовали всегда и всегда считались маргиналами. Мы живем во всех культурах всех народов. Согласно антропологическому исследованию, проведенному Джейн Мерфи в 1976 г., члены племени йоруба[4] называют холодных людей *аранканами*, «обозначая этим словом человека, который в поступках не учитывает интересы других людей, ни с кем не сотрудничает, никому не помогает, всегда замышляет недоброе и проявляет при этом необыкновенное упрямство». Инуиты[5] называют асоциальных членов своего племени *кунлангетами*, о которых говорят, что «их ум знает, что надо делать, но они этого не делают». Кунлангет «все время лжет, мошенничает, ворует… спит со многими женщинами, не обраща-

---

[4] Народ, живущий на западе и юго-западе Нигерии, в Бенине, на юго-востоке Ганы и в Того, возможно, азиатского или египетского происхождения. Говорит на языке йоруба.

[5] Народы эскимосско-алеутской семьи.

ет внимания на упреки; это человек, которого постоянно наказывают старейшины». Концепция индивида, способного умом понять социальные нормы, но отказывающегося им следовать, – ключевая в современной клинической диагностике социопатии.

Итак, теперь ясно, что люди, подобные мне, существовали во все времена среди всех народов; просто современное общество любит снабжать каждого человека соответствующим ярлыком: ты социопат или кто-то еще? В научно-фантастическом фильме «Бегущий по лезвию» аналог социопатов – репликанты, органические андроиды, сбежавшие на Землю. В покрытом ядерной пылью апокалипсическом мире Земли будущего за ними охотится Гаррисон Форд. Репликанты так сильно похожи на людей, что раскусить их можно только с помощью обширной психологической анкеты, содержащей вопросы, провоцирующие испытуемого на проявление эмоций. В фильме Гаррисон Форд не может устоять перед обаянием Шон Янг, с ее белой нежной кожей и полными губами в форме сердечка, несмотря на то что понимает: это искусственное создание не способно на чувства, отраженные в больших ласковых глазах.

Помню, когда я в детстве смотрела этот фильм, меня заворожило потрясающее самообладание Шон Янг и ее футуристический наряд. Даже тогда я понимала,

что мне было бы уютно в ее суровом мире. В огнях неона и клубах пара слабаки займут подчиненное место, а такие сильные люди, как я, будут благоденствовать. Я воображала, как ношусь над городом в маленьком юрком воздушном судне и отдаю приказы по-китайски. Ирония, однако, в том, что, став взрослой, я сама проходила психологическое тестирование, призванное обнаружить у меня недостаток гуманности.

«Бегущий по лезвию» – очень удачный пример, так как в нем упор сделан не на диагностике, а на идентификации. Репликанты действительно «другие», они были созданы искусственно, чтобы служить людям. По этой причине здесь не возникало никаких моральных ограничений, хотя внутренний мир андроидов во многих случаях богаче, чем у настоящих людей. Точно так же даже такой здоровый специалист, как Марта Стаут, ученый из Гарвардского университета, автор книги «Социопат живет в соседнем доме» («The Sociopath Next Door»), говорит об идентификации социопатов, а не о диагностике социопатии. Смысл различения ясен: эти существа – социопаты, а не люди, страдающие социопатией. Диагнозы ставят людям, которых после установления диагноза начинают лечить. Так как лекарств от социопатии нет, вопрос в том, что делать с проблемой социопатии. В «Бегущем по лезвию» мы видим попытку окончательного реше-

ния – полное уничтожение существ, неспособных чувствовать и сопереживать.

Для нашего общества проблема социопатии в том, как помешать социопатам проявлять асоциальные, антиобщественные наклонности. Прежде чем начать обсуждать возможные пути решения, общество должно научиться надежно идентифицировать социопатов. Но психологам неминуемо придется их понять, чтобы выявить. Однако чтобы понять, надо выявить. Один психолог прокомментировал порочный круг так: «Почему этот человек совершил столь ужасное преступление? Потому что он психопат. Но как вы узнали, что он психопат? Потому что совершил ужасное преступление».

Классическая дилемма, напоминающая вопрос, что появилось раньше – курица или яйцо. Поэтому ничего удивительного, что подобный подход к диагностике вызвал жестокую критику. Все методы диагностики основаны на поддающихся наблюдению симптомах, характерных для людей, которым ставится диагноз «социопатия», но эти симптомы – между прочим, косвенные и обтекаемые – создают риск пристрастного отношения, вследствие чего разные специалисты могут включать или не включать в диагностику те или иные критерии. Конечно, здесь нужна точка отсчета. Клекли и другие авторы заметили: ка-

кие-то черты присутствуют у пациентов чаще, чем у членов общей популяции. Когда группа симптомов получает наименование, ученые предпринимают попытку выяснить, нет ли у них общей причины, чем именно отличается эта группа симптомов от других таких же и какими признаками обладают входящие в группу пациенты в сравнении с обычными представителями общей популяции. Однако Клекли хорошо понимал, что его опросный лист – лишь довольно грубое приближение к сущности социопатии и, следовательно, не может считаться ни безупречным, ни полным. Такое смирение перед лицом фактов не очень характерно для современных исследователей социопатии.

Современный метод идентификации психопатов (и, следовательно, социопатов) основан в настоящее время на «Перечне контрольных вопросов по психопатии, пересмотренном» (Psychopathy Checklist – Revised; PCL-R), разработанном доктором Робертом Хиаром, профессором судебной психиатрии из университета Британской Колумбии. Хиар считается одним из ведущих специалистов по криминальной психопатии. «Наука не может двигаться вперед без надежных и точных средств измерения того, что вы пытаетесь исследовать», – утверждал Хиар. Вместе с ассистентом он составил список из 20 психологических черт, с заметным постоянством выявлявшихся

у обследованных им заключенных: отсутствие способности к сочувствию и раскаянию; мания величия; склонность к манипулированию; незаурядное обаяние; эгоцентризм; импульсивность; склонность к лживости. И такие криминальные черты, как преступления, совершенные в детском возрасте, отмена условно-досрочного освобождения и изменчивость вида совершаемых преступлений. Два очка начисляют, если симптом присутствует, одно – если наличие симптома вызывает сомнения, и ноль, если симптом отсутствует. Тест оказался надежным: будучи применен разными исследователями на одних и тех же испытуемых, он позволяет получать сходные результаты. Тем не менее тест подвергся критике за недостаточную валидность.

Валидность – это мера того, насколько данный тест подходит для исследуемого материала, то есть насколько точно тест PCL-R позволяет идентифицировать психопата. Перечень контрольных вопросов Хиара критиковали, поскольку он создан исключительно на материале пациентов-заключенных. Сам Хиар признал, что это сделано только ради удобства: «С заключенными легко работать. Они любят встречаться с учеными – это отвлекает от монотонности тюремной жизни. Но генеральные директора, политики…» Недавно Хиар пригрозил судебным иском двум

психологам, выступившим в газете со статьей, в которой утверждали, будто перечень Хиара только по ошибке используется для полной диагностики психопатии: это более широкое понятие, включающее в себя лживость, импульсивность, безответственность и непредусмотрительность, но не обязательно склонность к физической агрессии или противозаконным действиям. Авторы утверждали, что перечень доктора Хиара извращает всю концепцию, так как преувеличивает роль криминального поведения в диагностике психопатии. В статье отражен взгляд некоторых специалистов, согласно которому социопатия не обязательно сопряжена с уголовными наклонностями. Непонятно, почему такие неравнозначные симптомы, как отсутствие способности к сопереживанию и незаурядное обаяние, набирают одинаковое количество очков: обаяние нельзя считать таким же значимым симптомом, как черствость. Вопрос, как мы видим, в том, что именно определяет это (или любое другое) расстройство личности – поступок человека или его внутренние мотивации. Легко проследить историю неудачного решения, но очень трудно по-настоящему понять мышление, определяющее поведение, приводящее к неудаче.

Среди ученых и клиницистов продолжается спор, поддаются ли диагностике психопатия и социопатия и

вообще заболевания ли это. Добрые люди из Американской психиатрической ассоциации, составившие Руководство по диагностике и статистике психических расстройств (DSM), решили исключить оба термина, несмотря на стремление некоторых ученых пересмотреть номенклатуру в пользу термина «антисоциальное расстройство личности» (диагноз основывается на наблюдаемых поведенческих особенностях больного). В «Международной статистической классификации болезней и сопутствующих расстройств здоровья» Всемирной организации здравоохранения этот диагноз есть, но там он называется «диссоциальным расстройством личности», а термин «социопатия» отсутствует. Антисоциальное расстройство личности и социопатия – не синонимы, так как некоторые характеристики расстройств не совпадают. Термин «антисоциальное расстройство личности» ориентирован в первую очередь на криминальные паттерны поведения, а не на внутренние процессы мышления социопата, так как мыслительные процессы трудно верифицировать, особенно у заключенных, неохотно делящихся мыслями с посторонними. Например, хотя я считаю себя социопатом, пусть и хорошо адаптированным (я ведь не способна к сопереживанию, не умею приспосабливаться к общепринятым социальным нормам и склонна манипулировать другими), мне

практически невозможно поставить диагноз «антисоциальное расстройство личности».

Дело еще больше запутывается из-за того, что поведенческие особенности социопата могут пересекаться с особенностями, возникающими при других психических расстройствах, например при нарциссизме. К ним относятся эгоцентризм и снижение способности к сопереживанию, а также некоторые нарушения развития, например при синдроме Аспергера[6] или некоторых формах аутизма.

В книге «Судебная психология: краткое введение» («Forensic Psychology: A Very Short Introduction») профессор психологии из Университета Хаддерсфилда Дэвид Кантер предостерегает от «соблазна думать, будто все эти диагнозы есть что-либо иное, нежели суммарное описание обсуждаемых людей» и далее утверждает, что «на самом деле это моральные суждения, замаскированные медицинской терминологией». В первой же строчке предисловия к книге Роберта Хиара мы читаем: «Психопаты – социальные хищники, обаянием, манипуляциями и беспощадностью прокладывающие жизненный путь, оставляющие за собой разбитые сердца, обманутые надеж-

---

[6] Одна из форм аутизма, при которой способность социально функционировать отчасти сохраняется, но восприятие мира в сравнении с нормой меняется.

ды и пустые кошельки». По этой фразе можно сразу понять, по какую сторону баррикад находится автор. Тем не менее психиатры выставляют диагнозы, а на их основании юристы принимают важные решения, например об условно-досрочном освобождении.

В отличие от расплывчатых формулировок психиатрических диагнозов нейрофизиология может дать более отчетливое объяснение. Недавние исследования мозга методами функциональной магнитно-резонансной томографии показали: существует определенная связь между клиническими характеристиками и «объективными» свойствами головного мозга социопата. Было бы, конечно, ошибкой соединять список характерных черт социопата с понятием «социопат», так же как было бы ошибкой допускать, что все католики обладают одинаковым набором психологических черт и, наоборот, люди, обладающие определенными личностными характеристиками, непременно католики. Диагностика социопатии полезна, но лишь в той мере, в какой люди понимают ее ограниченность. Главное ограничение – то обстоятельство, что мы не можем назвать конкретную причину расстройства; мы знаем лишь симптомы и внешние признаки. Это разочаровывает. Мне было бы легче, если бы я знала, что я плохая, потому что меня плохо воспитывали или потому что я росла в обстановке враж-

дебности и отсутствия любви. Но со мной в детстве не происходило ничего такого, о чем рассказывают другие социопаты. Единственное, в чем я могу упрекнуть своих родителей, – что подчас мне не уделяли внимания, но в этом не было никакой злобы и ненависти, просто было некогда. Когда меня спрашивают, не было ли тяжелым мое детство, я отвечаю, что оно было ничем не примечательным. Из результатов исследования близнецов мы знаем: симптомы социопатии отчасти обусловлены генетическими факторами. Кроме того, мы знаем, что мозг социопата устроен немного не так, как у обычного человека. Однако один только факт несколько иной организации не свидетельствует, что именно это изменение заставляет социопатов поступать не так, как все. Наоборот, нестандартное поведение и необычные поступки могут быть причиной необычной картины функционирования нейронных цепей в мозге социопата. Точно так же из одного того, что мозг социопата устроен не так, как у остальных, отнюдь не следует, что именно особое строение мозга – причина социопатии. Например, Хиар считает, что отличие в морфологии мозга может быть «побочным продуктом действия окружающей среды или генетических факторов, влияние которых мы часто обнаруживаем у психопатов».

Мы не знаем причины, но зато знаем, что не су-

ществует никаких методов лечения, притом что мы не всегда хотим лечиться (думаю, прочитав книгу, вы поймете почему). Доктор Клекли наблюдал и консультировал социопатов как психолог и профессор медицинского колледжа штата Джорджия. Он изо всех сил пытался найти способ лечения социопатов и преступников, коих считал тяжело и совершенно неизлечимо больными. В предисловии к последнему прижизненному изданию «Маски душевного здоровья», вышедшему в свет незадолго до его смерти, Клекли писал, что не смог найти эффективных средств лечения. Однако горечь неудачи сглаживалась верой, что ему удалось приблизиться к пониманию природы социопатии, а это, в свою очередь, помогло родным и близким социопатов объяснить странности в их поведении. Действительно, доктор Клекли рассказывал множество историй о неизлечимых пациентах, которым весь мир был готов помочь, но которые тем не менее мучили близких и совершали злодейства и преступления. Он считал нас безнадежными.

В этом убеждении Клекли не одинок. Недавно проведенные исследования показывают: число рецидивов преступлений среди социопатов вдвое превышает число рецидивов среди преступников, не страдающих этим расстройством. В случае насильственных преступлений показатель повышается втрое. Даже

йоруба и инуиты полагали, что антисоциальную личность невозможно изменить. Единственным выходом они считали нейтрализацию или изоляцию, или, как якобы сказал антропологу Мерфи один инуит, «обычно кто-нибудь сталкивает такого человека со льда в воду, когда никто не видит».

Сегодня психологи и криминологи бьются над той же задачей, какую инуиты и йоруба решали с помощью незаметного убийства: что делать с социопатами, раз им нельзя доверять и они не могут жить в обществе. В Великобритании совершившие преступления социопаты получают пожизненные сроки только на основании диагноза. В Америке социопаты с подтвержденным диагнозом всю жизнь содержатся в психиатрических лечебницах, потому что врачи считают расстройство неизлечимым. Вспомним для примера историю Роберта Диксона, получившего сначала 15 лет, а затем пожизненный срок за соучастие в убийстве как водитель машины, на которой банда грабителей скрылась с места совершения преступления. Проведя в тюрьме 26 лет, Диксон подал апелляцию на условно-досрочное освобождение. В качестве одного из условий ему было предложено пройти психологическое тестирование, по результатам которого он был признан социопатом. «Помню, что, когда я прочитал заключение, у меня упало сердце, – рассказывает ад-

вокат Диксона. – Стало ясно: что бы я ни делал, на все апелляции неминуемо последует отказ».

В первых изданиях книги Клекли писал, что социопатия – не менее опасное состояние, чем психоз, так как социопаты не могут жить по законам общества. Затем он пересмотрел свое мнение, так как понял, что такая трактовка фактически освобождает социопатов от ответственности за преступления. Он столкнулся с противоречием; Клекли никогда не считал социопатов безумными, ведь они не страдают «маниями» в том смысле, какой вкладывают в это слово. Однако интуитивно Клекли чувствовал, что социопаты так же тяжело больны, как безумцы или маньяки, и плохо приспособлены к жизни в обществе, а поэтому их следует изолировать. Доктор Клекли был озабочен тем, что опасные социопаты недостаточно часто попадают в психиатрические учреждения, потому что критерии госпитализации – уровень сохранности интеллекта и рационального мышления, а эти параметры психического здоровья у социопатов в пределах нормы.

Однако лишение социопата свободы только на основании психиатрического диагноза влечет за собой тяжкие моральные следствия. Социологи задаются вопросами контроля и поддержания равновесия в обществе: как нам обойтись со странными созданиями и при этом самим не превратиться в чудовищ? Можно

ли лишать человека свободы на том лишь основании, что он начисто лишен совести? Общество изолирует душевнобольных в психиатрических учреждениях, с тем чтобы больные не причинили вред окружающим, и поэтому у общества нет иного выхода – оно должно принять решительные меры, чтобы отделить социопатов от остальных. Но социопаты *могут* жить в обществе, просто по-другому. Мы не кусаем себе руки и не прыгаем из окон, полагая, будто можем летать. Мы не сумасшедшие. Все дело лишь в том, что мы живем, мыслим и принимаем решения способами, с точки зрения большинства, отталкивающими и безнравственными. Но что вы делаете с людьми, которые вам просто не нравятся?

Вопрос о роли диагноза социопатии в решении вопроса о тюремном заключении – очень трудная проблема. Законодательство требует, чтобы человек, которого хотят признать психически больным и недееспособным, не мог отличать добро от зла. Социопаты отличают добро от зла, но не испытывают эмоциональной потребности подчиняться правилам поведения, соответствующего социальным стандартам. Поэтому вопрос в следующем: следует ли признавать социопатов более виновными, менее виновными или равно виновными в преступлениях и нарушениях по сравнению с людьми, не страдающими социопатией,

но совершившими такие же правонарушения? Кент Киль, исследователь мозга социопатов, содержащихся в тюрьмах, предложил обходиться с ними как с людьми с низким IQ: зная, что поступают неправильно, они не могут совладать со страстью к насилию.

Кроме того, существует еще и проблема эффективности наказания. Клекли утверждал, что отношение к социопатам как к обычным преступникам, то есть заключение их под стражу в случае правонарушения, неэффективно, так как наказание не пугает их и не удерживает от следующих преступлений. Вообще профилактическая эффективность наказания – вопрос спорный. Я сомневаюсь, что обладающие способностью к сопереживанию люди, совершающие преступления под влиянием страсти, думают о неотвратимости наказания, и мне интересно, действует ли этот принцип в отношении людей, родившихся в семьях наркодилеров, в нищих районах, где нет никаких альтернатив преступному поведению. Угроза наказания в семье и школе служила для меня лишь вызовом, порождающим стремление придумать способ избежать последствий в будущем, не отказываясь от желаний. Я не боялась наказаний, я смотрела на них как на неудобство, которое надо обойти.

Интуитивное предположение Клекли, что социопаты нестандартно реагируют на негативные послед-

ствия, практически подтверждено Хиаром в знаменитом опыте с мягким электрошоком. Удар током наносили психопатам и здоровым людям из контрольной группы. Перед процедурой включали таймер, щелчками отсчитывавший секунды до удара. Нормальные люди выказывали растущее беспокойство по мере того, как приближалось к концу время ожидания, предчувствуя болезненный удар. Психопаты сохраняли полнейшее спокойствие и не выказывали никакой тревоги, слыша тиканье таймера.

Столь беспечная реакция на негативные события, возможно, обусловлена высоким содержанием допамина в мозге социопатов. Ученые из Университета Вандербильта связали избыток допамина с повышенной чувствительностью системы вознаграждений головного мозга, которая у социопатов реагирует на положительные стимулы в четыре раза сильнее, чем подобная система у нормальных людей, например на получение большой суммы денег или на прием химического стимулятора. Исследователи предположили, что реактивность системы вознаграждения определяет импульсивное, рискованное поведение социопатов, «потому что эти индивиды испытывают такую тягу к вознаграждению, прянику, что забывают о кнуте».

Правда, лично я сомневаюсь в справедливости

этой гипотезы. Избыточной активностью системы вознаграждения можно, конечно, объяснить, почему социопаты одержимы сексом (по крайней мере, в сравнении с другими представителями человеческой популяции). Этим можно объяснить, почему мы часто видим социопатов во многих руководящих органах. Вероятно, социопаты делают для общества много полезного просто потому, что это приводит к выделению огромного количества допамина в мозге. Но вот насчет риска у меня большие сомнения. Возможно, это и так, возможно, мы любим риск, но я не думаю, что причина в избытке допамина, потому что исследования, проведенные в том же Университете Вандербильта, показывают: именно *низкий* уровень допамина проявляет высокую корреляцию со склонностью к риску и употреблению наркотиков. По своему личному опыту я знаю, что рискованное поведение обусловлено отсутствием страха или тревожности в потенциально опасных, травмирующих или стрессовых ситуациях.

Я способна на рискованные и глупые затеи, и это может показаться странным, если учесть, что я финансово состоятельный белый воротничок с высоким IQ, воспитанный в религиозной семье среднего класса. В ранней молодости я делала все, что обычно для бесшабашных подростков: бесновалась на рок-концертах, путешествовала автостопом в развивающие-

ся страны, где ездила в прицепах, участвовала в кулачных потасовках и тд. Конечно, с возрастом я оставила некоторые из детских привычек, но так и не переросла неспособность учиться на собственных неудачах.

Однажды я потеряла все сбережения, ввязавшись в сомнительные финансовые операции. Я выбирала не только рискованные опции, но и парадоксальные способы работать с ними – придерживала акции, когда надо было их продавать и, как говорится, складывала все яйца в одну корзину. Неудачные сделки меня не обескураживали, и я снова ввязывалась в азартные игры. Умом, объективно, я понимала, что теряю массу денег, но не чувствовала боли, и потери не имели для меня никакого значения. Я отвлекусь от этой темы и скажу, что не пользуюсь ножами. Я никогда не оценивала риск ранения даже таким заурядным бытовым орудием. Я много раз ранила себя ножами, отхватывая куски кожи и разрубая пальцы до костей, но так и не научилась проявлять осторожность. Поэтому теперь я вообще не прикасаюсь к ножам.

Я всегда любила кататься на велосипеде по городским улицам, отчасти потому, что это опасно. Если на дорожку, по которой я еду, начинает вползать автомобиль, то мне ничего не стоит в него врезаться или погрозить водителю насосом. Если машина меня

подрезает и обгоняет, то я наберу скорость, объеду и резко остановлюсь прямо перед носом водителя, чтобы заставить его изо всех сил ударить по тормозам. Я отлично сознаю, что это очень опасно, и только для меня, но зато как эти чудачества щекочут нервы! При этом моя безопасность настолько меня не волнует, что я не собираюсь менять свое поведение. Дело здесь не в том, что я иррациональна. Дело в том, что страдания, связанные с последствиями, для меня не «страдания» в общепринятом смысле слова. Возможно, есть своеобразное упоение в том, чтобы дразнить водителей или рисковать сбережениями, но главная причина иная: ситуации, чреватые опасностью, не вызывают у меня тревоги и не заставляют проявлять осторожность.

Я не могу сказать, сколько раз получала пищевые отравления, употребляя несвежую или сомнительную пищу, но ни один урок не пошел впрок. Несколько лет назад я проснулась голая на полу душа в хостеле Молодежной христианской организации. Не помню, как я туда попала, но уверена, что в результате какой-то глупости. Люди, просчитывающие последствия своих поступков, не разгуливают голыми по хостелам. В моем мозге отсутствует выключатель, который срабатывал бы тогда, когда поступает сигнал опасности. У меня отсутствует естественное ощущение границы, ко-

торое говорило бы, что надо остановиться, пока я не зашла слишком далеко. Когда я делаю такие вещи, то не думаю о пряниках: скорее меня абсолютно не пугает кнут.

Я всегда жила в самых неблагополучных районах, где можно дешево снять квартиру, считая, что не надо переплачивать за безопасность, имея медицинскую страховку. Такое решение сводило с ума моих друзей и родственников, но зато им было легко покупать мне подарки на дни рождения и праздники: в ход шли перечные спреи, противоугонные системы и тому подобное. После окончания колледжа я жила в Чикаго, в районе наркотических притонов, и по ночам бегала по парку в наушниках, громко включая музыку, чтобы не слышать то и дело раздававшихся пистолетных выстрелов. Недавно квартиру, в которой я живу, обворовали второй раз – в первый раз это случилось почти сразу после того, как я въехала. Если меня не обворовывают, то каждую ночь стучатся в дверь (видимо, кто-то из моих соседей наркоторговец и люди просто путают двери).

Наверное, склонность к риску лучше всего проиллюстрировать моим поведением с транспортными средствами. Я обожаю машины. Сидя за рулем, я чувствую себя непобедимой и часто подвергаю риску себя и других, потому что не задумываюсь о послед-

ствиях своих решений. Однажды у моей машины начали барахлить тормоза. На негодных тормозах я ездила до тех пор, пока они совсем не отказали, и потом решила своим ходом поехать в сервис, чтобы не платить за буксир. Выдался дождливый день, и к тому же пришлось несколько миль ехать под горку. В довершение всех бед, подъехав почти к самой мастерской, я увидела, что придется проехать по железнодорожному мосту, по выгнутой кверху четырехполосной, забитой машинами дороге. Оказавшись на склоне моста, я ехала со скоростью около семидесяти километров в час, то есть намного быстрее потока, тормозившего перед светофором. Мгновенно приняв решение, я резко повернула руль влево, выскочила на встречку, пролетела две полосы, затем пересекла палисадник и, развернувшись, уткнулась правым боком и передними колесами в бордюр, съехав при этом с моста. Посмотрев на номера домов, я поняла, что нахожусь у самой мастерской и, пользуясь ручным тормозом, доползла до стоянки под изумленными взглядами прохожих.

В тот момент я была очень довольна собой: вот еще одно доказательство, что я непобедима! Я понимала, что все могло кончиться очень плохо – машина могла слететь с моста на железнодорожные пути или взорваться от удара, – но это нисколько не омрачало по-

бедоносного настроения. Я уцелела, а значит, все в порядке. Дело не в том, что со мной не случается ничего плохого, – случается, и еще как, но я не думаю о плохом. Возможно, в момент, когда оно происходит, я и чувствую мимолетное сожаление, но потом быстро забываю, и мир снова начинает сиять манящими красками. Я отнюдь не супермен, я тоже могу испытывать печаль и боль, но главная моя черта – несокрушимый оптимизм, заставляющий смотреть на мир сквозь розовые очки.

Я не поддаюсь несчастьям, но мои братья, сестры и друзья поддаются и переживают за меня. Они порой ненавидят меня за бесшабашность и неприятности, к которым она приводит. Помню, как я, то и дело грея руки, меняла в сугробе на обочине дороги колесо, которое сама «поставила» за несколько дней до этого. Мой старший брат стоял рядом и сыпал неповторимыми эпитетами в мой адрес. После того как меня обворовали во второй раз, одна моя подруга стала умолять меня переехать в другой район – для душевного спокойствия. Когда я стала уверять ее, что это нисколько меня не тревожит, она продолжала настаивать, говоря: «Для спокойствия тех, кто тебя любит». Но мне все равно трудно было найти основания для переезда. Я всегда умудрялась выбираться из неприятных ситуаций, даже если для этого при-

ходилось просить денег у незнакомцев, вымаливать прощение у полицейских или лгать, заметая следы. Поскольку я всегда стремилась получить вдвойне или ничего и мои неприятности никогда не были долгими, мне удавалось выйти из любой переделки с наименьшими потерями. Меры предосторожности всегда дорого обходятся – или теряешь деньги, отдавая их за безопасность, или упускаешь выгоду, отказываясь от возможного риска. Понимаю, что многие считают такие траты вполне оправданными – ради, как сказала моя подруга, душевного спокойствия. Но моя душа всегда спокойна – независимо от того, что я делаю. Поэтому-то я всегда так беззаботна.

Прожив несколько лет с самостоятельно установленным диагнозом «социопатия» и даже заведя блог для социопатов, я решила все же закрепить этот статус, так сказать, официально. Правда, поначалу мне не хотелось обращаться к профессионалам, потому что я читала о нескончаемых спорах относительно диагностических критериев. Своему суждению я доверяла не меньше, чем мнению дипломированного психолога. Но в конце концов пришла к выводу, что отсутствие официального диагноза может породить недоверие у читателей. Как смогут они без формального диагноза удостовериться, что я действительно насто-

ящий социопат? Я решила, что уж если рискнула открыто отнести себя к одному из самых ненавидимых подклассов человечества, то необходимо, чтобы люди мне доверяли.

Моим диагнозом занимался доктор Джон Иденс, профессор техасского Аграрно-механического университета, один из ведущих специалистов в области социопатии, мнением которого по этому поводу недавно интересовались такие СМИ, как New York Times и Национальное общественное радио. Доктор Иденс испытывал большие сомнения: он предъявил мне тест, составленный в соответствии с критериями доктора Хиара, а этот тест ориентирован на криминальную модель социопатии. Учитывая, что я никогда не привлекалась к суду за преступления, доктор Иденс полагал, что в моем случае результаты тестирования могут оказаться не вполне достоверными и ложноотрицательными.

Доктор Иденс предложил мне перечень контрольных вопросов по психопатии в скрининговой версии. Этот перечень создан на основании диагностических критериев психопатии, разработанных Хиаром, но связан с ним лишь исторически. В новой версии уделяется меньше внимания данным о прошлых задержаниях и судебных приговорах. Скрининговая версия содержит 12 критериев. Каждый пункт оценива-

ется в баллах – от 0 до 2. В сумме число баллов составляет от 0 до 24. Список вопросов разделен на две равные части. Первая включает вопросы, касающиеся личностных особенностей социопата, включая отсутствие способности к раскаянию и сопереживанию, а также вопросы, касающиеся межличностного поведения, включая лживость и манию величия. Вторая часть посвящена социальным аспектам поведения, включая безответственность, импульсивность и антиобщественные поступки.

Во время беседы доктор Иденс задал мне вопросы об импульсивности, агрессивности и безответственности моего поведения, например о драках и мелком воровстве, которые, хотя и не привели к выдвижению формальных обвинений, но в определенных ситуациях вполне могли привести меня в уголовный суд. Доктор Иденс особо отметил, что все эти действия производились мною лишь для того, чтобы пощекотать себе нервы, а не с целью приобретения экономической выгоды или с иной корыстной целью. Он отметил: «То, что мисс Томас избежала столкновений с полицией, обусловлено, скорее всего, умением выскальзывать из “трудных положений”, пользуясь различными благоприятными факторами (высоким интеллектом и уровнем образования, поддержкой семьи и другими социально-экономическими преимуществами), везе-

нием или сочетанием всех вышеупомянутых факторов». Я рассказала о семье, о бесшабашном поведении в подростковом возрасте, о неспособности долго задерживаться на одном рабочем месте после окончания университета, а также о попытках самоанализа, каковые и привели меня в кабинет психолога. Короче, я рассказала доктору Иденсу все, что уже и сама успела забыть.

По результатам тестирования я набрала 19 баллов из 24 возможных. Это, конечно, не абсолютно положительный результат, но в руководствах по душевным расстройствам я читала, что результат выше 18 баллов «позволяет с большой долей уверенности предположить наличие психопатии». В первой части теста (личностные черты) я набрала 12 баллов, а во второй (антиобщественное поведение) – 7. По этому поводу доктор Иденс заметил: «Интересно, 12 – максимальное число баллов, какое можно набрать в первой части теста. Оно указывает на присутствие аффективных и межличностных черт, очень характерных для психопатических личностей».

Такая линейная градация соответствует современному взгляду, согласно которому «психопатия – градуальный, а не категориальный феномен». Люди, набравшие большое количество баллов, очевидно, асоциальны, но даже те, кто набрал меньше баллов, «мо-

гут создавать значительные проблемы для окружающих. Так же, например, люди с артериальным давлением ниже порогового для гипертонии уровня подвержены риску заболевания». Учитывая это обстоятельство, доктор Иденс предложил мне пройти несколько дополнительных тестов, чтобы более достоверно выяснить, социопат ли я. Среди них был один опросный лист, который я заполнила самостоятельно. С помощью этой анкеты можно выявить различные признаки, указывающие на психопатологические черты личности, и общее число баллов, показывающее обобщенный индекс склонности к психопатическим реакциям. Кроме того, в этом тесте по восьми шкалам оцениваются более специфические признаки. Доктор Иденс отметил: «Независимо от возрастной и половой принадлежности мисс Томас по результатам теста, с вероятностью, превышающей 99 перцентилей, находится внутри нормативной области базы данных признаков психопатических черт личности, что позволяет с высокой долей вероятности предположить, что мисс Томас обладает психопатологической структурой личности».

Потом последовал новый тест. Я заполнила опросный лист NEO Personality Inventory, и по поводу результатов доктор Иденс записал, что мой профиль соответствует «прототипической психопатологической

личности среди женщин». Под конец я прошла тест оценки личности, в ходе которого выявилось, что мои наиболее характерные черты – эгоцентризм и повышенная чувственность, стремление к доминированию, вербальная агрессия и завышенная самооценка, а также низкие показатели негативной аффектации (то есть для меня нехарактерны фобии, психологические стрессы и симптомы депрессии), поддержания межличностных отношений и вялая реакция на стрессовые события.

Доктор Иденс мне понравился. Он казался разумным человеком, к тому же неравнодушным к результатам исследования. Однажды во время беседы мне показалось, что он вот-вот расплачется, настолько сильно расстроили его результаты моих тестов. Я не помню, что мы в тот момент обсуждали – возможно, я рассказывала, что в детстве отец меня бил. Думаю, что доктор Иденс очень переживал за меня, полагая, что факт установления диагноза «социопатия» сильно на меня подействует. Право же, такого трудно было ожидать. Если меня не волнуют ни здоровье, ни безопасность, то с какой стати должна расстроить перспектива потерять работу и потерпеть фиаско в личной жизни из-за какого-то диагноза? Должно быть, доктор Иденс и это понял, что удручило его еще больше.

Поговорили мы и о том, что ни один из подобных

тестов не предназначен для таких, как я, людей, по доброй воле желающих установить диагноз. Находящиеся в тюрьме преступники заинтересованы в том, чтобы скрыть свою социопатию, ибо от диагноза зависит их судьба, например согласие суда на условно-досрочное освобождение. Обычно в таких случаях результаты теста оцениваются с изрядной долей скептицизма. Но что делать с человеком, по каким-то неведомым причинам желающим, чтобы ему поставили диагноз «социопатия»? Несколько раз он говорил мне, что я, возможно, ввожу его в заблуждение, обманываю, чтобы выглядеть большим психопатом, чем на самом деле, но при этом признавал, что ложь ради самовозвеличения тоже укладывается в картину социопатии. По правде говоря, у меня не было ни малейшего желания или искушения лгать. В моей ситуации это было бы глупо. Я искренне хотела получить ответы на интересовавшие меня вопросы, насколько это возможно в результате трехчасовой беседы с незнакомым человеком.

Когда люди с подозрением на социопатию спрашивали в моем блоге, стоит ли проходить тестирование, я неизменно давала отрицательный ответ. Если честно – это очень рискованно. Дело в том, что методики лечения социопатии не существует, и единственный смысл тестирования – убедиться (для «душевно-

го спокойствия»), что вы на самом деле социопат. Отрицательная сторона такого обследования – риск испортить себе жизнь, если данные попадут не в те руки. Даже доктор Иденс проявлял максимальную осторожность, отправляя мне электронные письма с результатами тестирования, опасаясь, что они могут быть перехвачены какими-нибудь злобными «сетевыми гномами».

В конце нашей заключительной беседы доктор Иденс спросил: «Что вы подумаете, если я скажу, что вы не социопат?» Этот вопрос я сама задавала себе бесчисленное множество раз. Что, если мне перестать вести блог? Что, если я перестану искать ответы на вопросы и читать данные психологических исследований? «Не знаю, – ответила я, – наверное, почувствую раздражение оттого, что зря потратила столько времени». Он рассмеялся. Когда настало время прощаться, доктор Иденс сказал, сколько я ему должна, а я, как назло, забыла чековую книжку. Мы пошутили на тему о том, что такая забывчивость очень характерна для социопата.

Я уходила от психолога, не имея ни малейшего понятия, что он напишет в заключении. Но поняла, что мы убеждены: социопатия не изучена до конца, это состояние представляется более зловещим, чем есть в действительности, и такое положение необходимо

исправить. Заключение я получила по почте через пару недель, и оно подтвердило мои подозрения – и в том, что касается диагноза, и в том, что касается неубедительности и субъективности современной психиатрической диагностики.

Для меня последний вопрос, касающийся выявления социопатии: надо ли ее вообще выявлять? В детстве я проводила много времени на ранчо моего деда, где он разводил кур и других животных. Каждая курица в среднем откладывает одно яйцо в день. Значит, если у нас было семь кур, то каждый день мы получали семь яиц. Дед всегда пунктуально кормил кур, каждый день аккуратно собирал все яйца и учил меня, чтобы и я тоже тщательно следила за кормлением и сбором. Дед говорил: если кур не кормить, то они начнут поедать свои яйца. Если же курица попробует яйцо хотя бы раз, то войдет во вкус и будет есть яйца и дальше. Такую курицу придется зарезать. На самом деле я не знаю, существует ли способ лечения кур-каннибалов, но дед, возможно, сказал мне это, чтобы напугать и заставить регулярно кормить кур и собирать яйца. Однажды, когда меня не было, дед заболел и несколько дней не мог кормить кур и собирать яйца. Придя наконец в курятник, он обнаружил там расколотые яичные скорлупки – ясно, что яйца кто-то ел. С тех

пор в ежедневном сборе яиц всегда не хватало пары штук или обнаруживались надколотые яйца. Видимо, хотя бы одна курица распробовала их, вошла во вкус и продолжала есть, хотя дед снова начал кормить кур.

– Как ты собираешься выяснить, какая курица ест яйца? – спросила я деда.

– Что ты имеешь в виду?

– Нам же надо зарезать курицу, которая это делает.

Дед в ответ лишь посмеялся.

– Нет, я серьезно, дедушка, – не отставала я. – Одна из кур занимает место в курятнике и ест нашу пищу. Надо ее найти и зарезать, ведь правда же?

– У меня нет времени сидеть в курятнике и следить за курами. К тому же от этой курицы есть и польза. Она побуждает нас вовремя кормить остальных и быстро собирать яйца. Кроме того, это напоминание, что природа беспощадна, да и человек не лучше.

Меня не удовлетворили дедушкины рассуждения. На следующий день я очень рано встала и устроила в курятнике наблюдательный пункт, чтобы выследить зловредную курицу. Я увидела, как куры, одна за другой, откладывали яйца, а потом одна из них начала перебирать яйца лапами и клевать их. Сначала я решила ее зарезать. Я знала, как это делается. Курицу надо подвесить за ноги, потом взяться левой рукой за ее голову, обездвижить ее, нащупать вену на шее, пе-

ререзать ее ножом и дождаться, когда стечет на землю кровь. Все это заняло бы не больше пяти минут, в течение которых курица била бы крыльями, постепенно расставаясь с жизнью. Но вместо этого я просто громко закричала и прогнала испуганную курицу. Собрав уцелевшие яйца, я вернулась домой.

Интересно, думала я, знали ли куры, что творит курица-каннибал, и что бы они стали делать, если бы узнали.

Глава 3
Мы отвратительные свихнувшиеся создания

Я росла в многодетной семье и больше всех всегда любила своего брата Джима. Он сломался, когда ему было 18, и с тех пор стал, как сам выражается, «одиноким волком». Во время путешествия с друзьями его вдруг затошнило и вырвало на парковке возле «Уолмарта». Это происшествие вызвало у него такое смущение и тревогу, что, вместо того чтобы найти туалет и почиститься, он снял запачканную одежду, бросил ее на асфальт и убежал. Друзья бросились на поиски и через пару часов нашли его в другом секторе парковки. Джим бродил там, ничего не соображая. Он был не в состоянии связно говорить и ограничивался лишь невнятным бормотанием. Ребятам с трудом удалось уговорить его вернуться в машину. Путешествие превратилось в пытку. Всю дорогу Джим ехал в грязной одежде, отказываясь мыться. Способность к связной речи долго к нему не возвращалась; да и вообще он вел себя не как человек, а как дикий зверь. Через несколько дней он снова стал прежним Джимом, но о том, что с ним происходило, пока он был

одиноким волком, не помнит до сих пор.

Я не знаю, как описать взрослого Джима, и поэтому скажу, что он очень хрупкий. Он чувствителен к стрессам, его легко выводят из равновесия сущие пустяки, и он все время отчего-то нервничает. Он ведет себя как собака, которую слишком часто били и она неуверенно чувствует себя в незнакомых условиях. Несмотря на неоднократные визиты к психотерапевтам и психологам, он до сих пор так и не смог взять себя в руки и собраться и либо агрессивно реагирует на неприятности, либо уходит от них, прячась в непробиваемую скорлупу. Глядя на него, я иногда думаю, не следствие ли это чрезмерной способности к сопереживанию? Я никогда не могла себе даже представить, что поведу себя как Джим, и мне непонятно, как в одной и той же семье могли сформироваться два таких несхожих характера. Я часто вспоминаю Джима, мою психологическую противоположность, задумываясь, что сделало меня социопатом – наследственность или условия воспитания. Есть убедительные научные данные о том, что в возникновении социопатии большую роль играют генетические факторы. Исследования также показывают, что социопатические признаки стабильны и прослеживаются на протяжении всей жизни индивида. Однояйцовые близнецы, у которых набор генов совпадает на сто процентов, проявляют одновре-

менную подверженность социопатии намного чаще, чем двойняшки (разнояйцовые сибсы), чей набор генов совпадает лишь на 50 процентов. Джим ближе всех ко мне среди братьев и сестер. Он старше меня на год с небольшим, нас часто принимали за двойняшек. В детстве мы все делали вместе. Я могу с уверенностью утверждать, что нас воспитывали совершенно одинаково, но, став взрослыми, мы оказались абсолютно разными людьми.

В большом городском парке, где я, можно сказать, выросла, находилась большая бетонная статуя бронтозавра. Скульптура стояла в песочнице, и большая часть ее скрывалась под слоем песка. Наружу торчали лишь шея, голова и фиолетовый хвост, на который мы часто карабкались, чтобы покачаться, вися на руках. Мы с Джимом провели массу времени возле этого бронтозавра – по большей части во второй половине дня, когда мама должна была забирать нас из школы. Парк находился недалеко, но вне досягаемости школьных камер видеонаблюдения. Никто никогда не заподозрил бы, что родители забыли нас забрать, а на всякий случай, если бы нас спросили, у нас с Джимом были заготовлены ответы: «Мама сейчас у завуча, они говорят о нашей учебе» или «Мама только что отошла по срочным делам, и сейчас сюда придет со-

седка, чтобы побыть с нами». На самом деле мы не имели ни малейшего представления, почему мама никогда не приходит вовремя, но нам не хотелось, чтобы нас все время донимали расспросами чужие люди, и поэтому мы врали. В нашей истории обязательно присутствовал какой-нибудь взрослый, который должен вот-вот подойти, даже если солнце уже садилось за горизонт.

В один солнечный день, когда мне было 10 лет, а Джиму 11, родители отвезли нас в парк. Должно быть, в начальной школе были каникулы, потому что, как я помню, наш самый старший брат в тот день находился в школе. Других детей в парке, однако, не было. Родители оставили нас возле бронтозавра и отправились по каким-то делам, а мы принялись играть в войну и подводную лодку, взяв в товарищи старого обшарпанного друга-динозавра. Прячась от врагов, мы заползали в его горло, а потом высовывали руки из огромной пасти. Устав от бронтозавра, мы углубились в бамбуковую рощу и продолжили военные игры, воображая себя солдатами Вьетконга, бесшумно пробирающимися по джунглям.

Поиграв так приблизительно час, мы пошли назад к машине и увидели ее как раз в тот момент, когда папа открыл дверь маме и она, как обычно, царственно уселась на место. Мы с братом поняли, что родите-

ли сейчас уедут, и прибавили шагу. Нам очень хотелось поскорее попасть домой, потому что военные игры пробудили у нас зверский аппетит. Нам оставалось пройти еще метров сто, когда мы услышали, как заработал мотор, но мы не побежали, пока не увидели, как зажглись фонари заднего хода – это означало, что родители сейчас начнут выезжать из парка. Не могу точно сказать, когда до меня дошло, что они нас бросили. Даже когда машина медленно поехала по узким дорожкам, а мы понеслись вслед, крича во все горло, я все же была уверена, что без нас не уедут. Не знаю, видели ли они нас в зеркале заднего вида – нас, своих детей, – как в фильме ужасов: чудовищ, от которых они хотели спастись на медленно ехавшей машине. Тихое урчание мотора составляло невыносимый контраст с нашими отчаянными воплями и топотом детских ног по асфальту парковых дорожек.

Мы бежали за родительской машиной метров семьсот, но догнать ее не смогли, а когда они выехали на главную дорогу, угнаться за ними не осталось уже даже теоретической возможности. Скоро автомобиль скрылся из виду.

Это был момент, когда я потеряла надежду – машина исчезла, и мы перестали ее видеть. *Боги пали, и мы лишились их защиты.* Это было осознание на физическом уровне: надежда покинула душу и одно-

временно из крови исчез адреналин, до тех пор толкавший нас вперед. С бешено бьющимися сердцами, задыхаясь, мы остановились посреди дороги, втайне надеясь, что сейчас услышим скрип тормозов и машина развернется и приедет за нами. Как бы то ни было, мы с братом не сказали друг другу об отчаянной надежде. Вместо этого мы начали обсуждать вопрос, почему родители нас бросили. Может быть, они забыли, что приехали в парк вместе с нами, или, может, случилось нечто из ряда вон выходящее – кого-то избили или зарезали. Или родители сильно поссорились. Мы пытались найти разумное объяснение, придать какую-то предсказуемость нашему положению, но их действия так и остались для нас необъяснимыми. Мы, однако, чувствовали, что они не вернутся, – и они не вернулись.

Конечно, мы могли бы пойти дальше по извилистой дороге и в конце концов пришли бы домой сами, но решили поступить иначе. Для брата это была попытка пристыдить родителей за дурное поведение; наверное, он надеялся, что, обнаружив нашу пропажу, они станут проливать слезы отчаяния и раскаяния. Что до меня, то я стала думать, нужны ли нам вообще родители, нужны ли папа и мама на самом деле, или жизнь в семье – просто ненужная глупость, внушенная нам в церкви и по телевизору.

Мы не стали останавливаться и устраивать совещание. Оба понимали, что нам нужна еда и одежда, и мы вернулись к школе, где стояла машина старшего брата. Джим сумел немного опустить стекло, а я своей тонкой рукой залезла внутрь и открыла дверь. В машине находилась коробка с лыжным снаряжением, оставшаяся с прошлого сезона. Мы выгребли оттуда все шерстяные вещи, которые могли пригодиться в грядущих скитаниях. Сумки, куда мы могли бы затолкать барахло, у нас не было, и мы все напялили на себя. Выглядели мы поистине гротескно, особенно для Южной Калифорнии, – в нескольких вязаных шапочках и перчатках, которые к тому же были нам страшно велики. Но мы запаслись теплыми вещами, зная, что через несколько месяцев наступит зима и станет холодно.

Нам очень хотелось есть, и естественный выход напрашивался сам собой – надо просить милостыню. Для этого дела мы были экипированы теперь как нельзя лучше. В машине мы попытались найти кусок картона и маркер, чтобы написать соответствующий плакат, но обнаружили только листы линованной бумаги и шариковые ручки (теперь, когда я вижу на улице нищего, то каждый раз удивляюсь, где он смог найти кусок картона, ножницы или бритву, чтобы вырезать аккуратный четырехугольник). Дорога, однако,

проходила по лесистой местности с редкими частными домами, и движение было очень редким, и милостыню просить оказалось, собственно, не у кого. Мы, как настоящие бездомные, потели в шерстяных одеждах и топтались на обочине в грязи. Не помню, в какой момент мы отчаялись от усталости и голода и решили сдаться.

Я ни разу в жизни не упрекнула родителей, что они тогда бросили нас. Я до сих пор не знаю, почему они это сделали. Может быть, хотели немного отдохнуть от нас. Если они вообще об этом думали, то, как мне кажется, были уверены, что самое страшное, что может случиться, – то, что нам придется с трудом добраться до дома. Если я и обиделась, то только за то, что они своим отношением сумели посеять сомнение в том, что никогда нас не оставят. Они создали «фиктивный» образ семьи, в которой все заботятся друг о друге, обычной условной семьи. Не могу сказать, что они не любили нас, – любили, хотя и по-своему, – но в то же время в их любви не было никакого смысла; их любовь была для меня совершенно бесполезной. Их добрые намерения не сделали мою жизнь лучше, лишь изолировали от правды жизни, позволили жить в темном мире их тайного сговора, куда не могли проникнуть ни доводы разума, ни объективные факты. Все, что не оставляло заметных следов, ко-

торые повлекли бы за собой вопросы друзей и родственников, оставалось незамеченным.

Я воспитывалась приблизительно так, как средний ребенок в «Семейке Тененбаум»[7] – со склонным к насилию и нечестным отцом и безразличной, порой истеричной матерью. У меня четверо братьев и сестер, и при необходимости мы объединялись, образуя небольшой, но сплоченный отряд. Мы были твердо убеждены, что мы лучше всех и что единственные люди, способные понять и оценить нас, – это члены нашей семьи.

Мои родители рано поженились – маме был 21 год, а папе 23. Неблагополучие рядом с родителями заставило мать бросить колледж, и, вернувшись домой, она целенаправленно начала искать мужа, встречалась с мужчинами, которые, по ее мнению, могли ее спасти. Не знаю, по какой причине она выбрала папу. Через несколько месяцев после знакомства она сама спросила, не хочет ли он сделать ей предложение. Старшего брата мама родила в первый же год замужества, а потом рожала почти каждый год.

Мой отец был адвокатом. Когда они с матерью только начали встречаться, он работал в крупной юридической фирме, но потом она лопнула и отец учредил

---

[7] Американская драматическая комедия. Реж. У. Андерсон (2001).

собственную небольшую адвокатскую контору. Ему нравилось воображать себя современным Аттикусом Финчем[8], и иногда он в качестве гонорара принимал от клиентов пироги. Он был страшно ненадежен как добытчик; часто, вернувшись домой из парка, мы оказывались в темноте, потому что электрическая компания отключила энергию за хроническую неуплату. Он тратил тысячи долларов на свои дорогостоящие прихоти, а нам в школе приходилось обедать апельсинами, сорванными во дворе. В тот год, когда мне исполнилось 12, отец не заполнил налоговую декларацию. Он не платил налоги весь год и не подумал сделать это даже после того, как наступило 15 апреля[9]. Исход был ясен: в фирму пожаловали аудиторы и все, что еще оставалось от его финансовой самостоятельности, испарилось.

Но намного больше, чем финансовые трудности, меня отталкивала эмоциональная и моральная лживость отца. Это научило меня не доверять эмоциям и вообще чему-либо, не подкрепленному объективными фактами. Я думаю, мое сердце ожесточилось в ответ на его сентиментальные излияния чувств и неискренние призывы жить добродетельно.

---

[8] Персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960) и одноименного фильма режиссера Роберта Маллигана (1962).

[9] В США последний день уплаты налогов за прошлый год.

Не знаю, как воспринимали отца чужие люди, но я твердо убеждена: он очень старался выглядеть хорошим человеком и родителем – для окружающих, для себя самого и нас. Он любил воображать себя восхитительным, и почти все, что он делал, было направлено на то, чтобы доказать это себе и остальным. У него была привычка часто перечислять свои достижения. Создавалось впечатление, будто в голове он ведет досье, которое должен время от времени повторять, иначе забудет. Он говорил о своей работе в коллегии адвокатов, об услугах клиентам, о своем положении в церковном приходе и, самое главное, о благотворительности. Мир должен был знать, как он щедр, безотказен и бескорыстен.

Мои родители проявляли некоторую активность и в школе, особенно в том, что касалось музыки. Иногда, во время школьных концертов, отец работал осветителем, а мама аккомпанировала хору. Вероятно, они были столпами нашего маленького провинциального светского общества. Однажды мы опаздывали на школьный концерт, и только в машине я обнаружила, что забыла дома инструмент. Мы не стали возвращаться, так как родители боялись опоздать, но во время концерта я стояла за кулисами, пока мама пела, а папа освещал сцену. Тогда я не увидела ничего противоестественного в том, что мои родители участво-

вали в концерте, а я нет.

Думаю, каждый раз, когда отец совершал нечто неблаговидное, его больше тревожил имидж, нежели вред, который он мог нанести нам. Для него было, собственно, не важно, идеален ли он на самом деле; важно, как он выглядит – хотя бы в собственных глазах. То, что он с легкостью обманывал самого себя, не могло вызывать у меня уважения. Когда мы всей семьей смотрели печальные или сентиментальные фильмы, он часто поворачивался к маме залитым слезами лицом, проводил ее ладонью по своей руке и спрашивал: «Видишь, у меня даже выступила гусиная кожа!» Он отчаянно хотел, чтобы мы видели его способность чувствовать и переживать, ему – больше, чем что-либо еще, – было необходимо подтверждение.

Однажды, когда мне было восемь лет, мы с отцом смотрели какой-то фильм, и я очень холодно отозвалась о герое – ребенке-инвалиде. «Ты ему не сочувствуешь?» – с ужасом спросил отец. Мне пришлось спросить, что это значит. Я просто не знала этого слова, но он смотрел на меня как на чудовище. Смысл понятен: его чувства и ощущение собственной праведности делало его образцом человечности; отсутствие у меня таких чувств бросало тень на его доброе имя.

Мне трудно подобрать слова, чтобы описать, на-

сколько он мне опротивел из-за этих простых вещей. Мне то и дело снилось, что я убиваю его голыми руками. Этот сон вызывал у меня трепет; он приносил мне наслаждение. Было что-то волнующее в насилии, в том, как я бью его дверью по голове до тех пор, пока он не упадет на пол. Мне доставляла удовольствие мысль, что он никогда больше не будет шествовать по земле с чувством воображаемого величия и наконец оставит нас в покое, перестанет вмешиваться в нашу жизнь. Сон, в котором я в мельчайших подробностях вынашивала план его убийства, был единственным местом, где я могла беспрепятственно это делать.

Моя мать была красавицей. Насколько я помню, ее часто останавливали на улице, чтобы сделать комплимент. В молодости мама была музыкально одаренным человеком – во всяком случае, нам так казалось. Она учила соседских детишек игре на фортепьяно, и мне кажется, что иногда мы и жили на заработанные ею деньги – с каждого ученика она брала 40 долларов в месяц. Каждый день после школы в течение трех часов к нам приходили ученики и стучали по клавишам нашего пианино, а мы в это время смотрели телевизор или делали уроки. Каждый раз я с нетерпением дожидалась, когда ученик наконец уйдет домой. Я невысоко оценивала их игру и страшно злилась, что они крадут у меня внимание моей мамы. В

конце года ученики сдавали экзамен, и я подозреваю, что мама испытывала удовольствие не от индивидуальных достижений учеников, а оттого, что ей удалось научить их умению извлекать из инструмента красивую музыку или, по крайней мере, нечто похожее на музыку.

Моя мать любила находиться в центре внимания, и это стремление было для нее органичным. После рождения последнего ребенка, моей младшей сестры, мама всерьез задумалась об актерской или певческой карьере. Ее прослушали, и она получила роль в театре музыкальной комедии. С каждого спектакля она приходила счастливой и сияющей. Ее окрыляли аплодисменты и обожание публики. Она участвовала в нескольких постановках, выступала в концертах, стала популярна в нашей общине.

Отец больше всего любил концерты с участием нашего церковного хора, так как знал, что их посещают друзья и соседи. Однако, когда успешная мамина карьера отдалила ее от семьи, а следовательно, перестала положительно влиять на репутацию отца, он начал ругать ее за то, что ей требуется внимание посторонних людей, а не семьи, под которой он в тот момент разумел исключительно самого себя.

Действительно, маме требовалось внимание со стороны, восхищение чужих людей. Думаю, что оно

позволяло ей заполнить душевную пустоту, почувствовать себя полноценным человеком и ответственным родителем, да и просто взрослым человеком. К тому моменту, когда мама наконец воплотила в жизнь свои сценические мечты, она утратила всякую надежду на то, что отец станет преуспевающим адвокатом. Детей было много, они росли, занимая все больше места в доме, требуя все больше внимания и ответственности, лишая маму простора и воздуха, обнажая бесплодность ее мечтаний. Вымышленные сценические характеры, диалоги и сюжеты позволяли ей хотя бы ненадолго убежать от поцарапанных коленок и сопливых носов. Маме как воздух нужна была свобода побыть другим человеком хотя бы несколько вечеров в неделю. Ей хотелось в эти моменты наслаждаться эстетикой, а не домашними проблемами.

Когда кто-нибудь из нас заболевал или сильно ушибался, мама воздевала руки и кричала: «О Боже! И что же мне теперь делать?» Все порушенные планы, все упущенные возможности пробегали по ее лицу, как рябь по поверхности пруда. Каждая чашка чая, приготовленная для детей, сопровождалась глубоким вздохом. Каждый вопрос: «Тебе лучше?» – был заряжен скрытым обвинением: словно то, что тебе не стало лучше, – прямое покушение на ее возможность жить счастливо и свободно.

Когда заканчивался театральный сезон, мать неизбежно впадала в депрессию, причем настолько глубокую, что заболевала даже физически. Несколько раз она попадала в серьезные дорожные аварии. Могу предположить, что ум ее блуждал по закоулкам памяти, разыскивая воспоминания о счастливых минутах на сцене, и от этих мыслей маму не могли отвлечь ни дорожные знаки, ни красный сигнал светофора. Может быть, конечно, ее отвлекали не воспоминания, а фантазии о другой жизни, которую она могла бы вести, если бы сделала иной выбор.

Дорожно-транспортные происшествия с ее участием становились для нас чем-то вроде маленьких землетрясений, напоминавших, что мы смертны, а следовательно, и о том, что и мы, и она пока еще живы. Я уважала эти ее маленькие бунты, хотя они обрекали меня на голодные вечера во время ее выступлений в театре, а мой брат рисковал разбить голову о ветровое стекло. Но я не помню, чтобы хоть однажды рассердилась на нее. Она просто пыталась жить, и это правда, что одно только наше присутствие, одно только наше существование, над которым она была не властна, мешало ее счастью самыми разнообразными способами. Конечно, отец всякий раз после аварии жестом обвинителя указывал на разбитый лоб брата. Но на самом деле никому, в том числе и отцу,

не было никакого дела до разбитого лба, и жизнь продолжала катиться по наезженной колее.

Но тем не менее мама варила нам бульон, когда мы болели, кормила нас с ложечки и, трогая наши лобики, озабоченно хмурилась и морщила лоб. Она целовала нас на ночь, как, впрочем, и папа. Я не плакала, когда отец бил меня ремнем – я даже не помню за что, – но зато плакала мама. Когда же я окончила юридический факультет, отец был просто счастлив, счастлив по-настоящему. Я никогда не видела его таким счастливым, как в тот день. Я никогда не сомневалась в их любви, но их любовь была непостоянной и иногда представлялась мне уродливой. Она не спасала от неприятностей и боли; наоборот, она нередко приносила вред. Чем больше они утверждались в своей уверенности, что любят меня, тем меньше заботились о моем благополучии.

Я многому научилась у родителей. Я научилась ограничивать эмоциональное влияние других людей на меня. Я научилась полагаться только на себя. Родители научили меня, что любовь – очень ненадежная вещь, и я никогда на нее не полагалась.

Вопрос о соотношении врожденного и приобретенного в генезе социопатии – спорный. Те, кто отстаивает врожденный генез, то есть ведущую роль «при-

роды» в возникновении социопатии, как бы дает нам свободный пропуск в мир. То, что мы «родились с этим», делает нас в какой-то степени жертвами обстоятельств и людьми, более-менее приемлемыми для общества. Если принять точку зрения на социопатию как на «приобретенное» состояние, то можно предполагать ее обратимость, надеяться, что в один прекрасный день социопаты смогут поправиться благодаря упорному труду и грамотной психотерапии или, наоборот, станут множить себе подобных, жестоко обращаясь со своими детьми. На самом деле все, конечно, намного сложнее. Психологи, психиатры и физиологи считают, что социопатия, как и все проявления живого организма, – результат совокупного воздействия генов и окружающей среды. Хотя существуют убедительные доказательства роли наследственности в возникновении социопатии, окружающая среда также играет огромную роль, способствуя активности генов и в какой-то степени определяя индивидуальное развитие каждого отдельного «наследственного» социопата. По мнению психолога и автора книги «Общественный разум» («Social Intelligence: The New Science of Human Relationships») Дэниела Гоулмана, если нет экспрессии какого-либо гена, «то, вероятно, мы и не обладаем этим геном». Здесь возникает интересный вопрос: социопат ли вы, если ген социопатии

есть в вашем личном геноме, но не проявляется в вашем поведении? Иногда просто невозможно получить ответ на вопрос, как и почему включается социопатический ген. Что касается меня, то могу сказать, что я с трудом балансирую между светлой и темной сторонами жизни, но в любой момент могу опрокинуться на любую. Иногда я задаю себе вопрос: была бы моя жизнь другой, если бы меня воспитывали чуть лучше или чуть хуже, чем это имело место?

Наиболее мощное воздействие на формирование социопата могут, вероятно, оказать факторы, действующие до того, как события начнут откладываться в его долговременной памяти. Несмотря на то что мозг человека достигает окончательной зрелости только к 20 годам, доктор Гоулмен считает: главные в развитии личности – первые два года жизни, ибо в это время происходит наиболее интенсивный рост мозга. У мышей этот период длится первые 12 часов после рождения. Детеныши мыши, которых мать часто облизывает с самого рождения и регулярно кормит, вырастают более умными и уверенными в себе; те же мышата, которых не вылизывают и плохо кормят в течение первых 12 часов, в дальнейшем медленнее обучаются полезным навыкам, испытывают большую тревожность и легко впадают в панику. Ученые предположили, что эквивалент облизывания у людей – со-

чувствие, ласка и прикосновения. Исследования доктора Гоулмена вполне согласуются с теорией прикосновений к младенцам, разработанной психиатром и психоаналитиком Джоном Баулби, наблюдавшим сирот после Второй мировой войны. Он и его сотрудники обнаружили: дети, которых в раннем младенчестве не ласкали регулярно, плохо развиваются, медленно растут и даже иногда умирают. Согласно теории прикосновений, дети, получающие недостаточно физической ласки от родителей во время каких-то неприятностей, вырастают бунтарями, независимыми личностями и отчужденными, неласковыми, не выделяют своих родителей и не предпочитают их другим взрослым. Вырастая, такие дети не способны на длительные привязанности и устойчивые отношения.

Когда я была младенцем, то страдала сильными коликами – малопонятным заболеванием, главный симптом которого непрекращающийся крик. Родители до сих пор рассказывают, как со мной было трудно, не говоря уже о том, что я отнимала время от ухода за Джимом, тоже маленьким, требовавшим постоянного внимания.

Мои родители помнят, как, пытаясь в нашей большой семье приучить меня к порядку, заставляли меня вопить целые дни напролет. Все тети, дяди, бабушки и дедушки наперебой предлагали свои способы ре-

шения, но все в конце концов сдались, поняв тщетность усилий. Теперь, рассказывая все это, родители находят оправдание – ведь никто так и не смог успокоить меня. К их радости, неудача обнажает истину: они сделали все, что от них как от родителей зависело, и дело не в них, а во мне. Отец откровенно признался, что часто просто оставлял меня в комнате одну и я кричала там до полного изнеможения. В возрасте шести недель меня отнесли к педиатру: я надорвала пупок непрестанным криком. Думаю, что родители делали все, что могли, но им было трудно не только воспитывать меня, но и просто терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.